

eISSN 2311-2468
Том 10, № 11. 2022
Vol. 10, no. 11. 2022

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ТРАПЕЗНИКОВ Д. А., АБРАМОВА Т. А.
«МАЛАЯ ВОЙНА» КУПЦОВ СТРОГАНОВЫХ
НА ВОСТОКЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. 1571 – 1572 гг. явились пиком кризиса для Московского государства. Тяжелейшая война с крымским ханом, напряжённая борьба на западе ослабили гарнизоны восточных провинций, спровоцировав новую угрозу. Реакционные настроения среди народов Казанского Ханства при поддержке Ханства Сибирского привели к восстанию части черемисов, остяков, башкир и буинцев в ходе которого был перерезан основной путь поставок товаров Строгановых на Русь. В статье рассматриваются события, ставшие прологом экспедиции Ермака, а также судьба частной армии Строгановых в XVII веке.

Ключевые слова: пищальники, острожки, армия, казаки, Сибирское Ханство.

TRAPEZNIKOV D. A., ABRAMOVA T. A.
THE «LITTLE WAR» OF THE STROGANOV MERCHANTS
IN THE EAST OF THE MOSCOW STATE

Abstract. 1571-1572 were the peak of the crisis for the Moscow state. The most difficult war with the Crimean Khan, the intense struggle in the west weakened the garrisons of the eastern provinces, provoking a new threat. Reactionary sentiments among the peoples of the Kazan Khanate, with the support of the Siberian Khanate, led to an uprising of some Cheremis, Ostyaks, Bashkirs and Buin, during which the main route of the Stroganovs' goods to Russia was cut. The article examines the events that defined the Ermak expedition and the fate of the Stroganovs' private army in the XVII century.

Keywords: pishchalniki, ostrozhki, army, Cossacks, Siberian Khanate.

Первоисточники темы весьма немногочисленны. В основном это грамоты верховной власти, адресованные как к Строгановым [2, с. 37-54; 1, с. 277-279], так и населению близлежащих уездов. Особое значение имеет Строгановская летопись, которая позволяет целостно реконструировать рассматриваемые события. Важны писцовые книги 1589 и 1623 гг., они подробно описывают боеспособную часть населения и арсеналов.

Историография данных событий также бедна. Кроме известного пассажа Н. М. Карамзина о значении военной деятельности Строгановых [15] и труда М. Л. Гавлина «Из истории российского предпринимательства: династия Строгановых» [9], исследователями не уделено внимание «малой войне» русских промышленников.

Отправной точкой исследования является 1572 год, момент бунта уральских народов, ответом на который стали санкционированные самим царём действия Строгановых.

Поход 1572 года надлежало провести не пищальникам и артиллеристам, а охочим казакам, причём без поддержки артиллерии, что ещё раз доказывает её сугубо крепостной характер. Однако, вооружены охочие казаки должны были быть не плохо, «со всяким оружием, с рушницами и с саадаки» [2, с. 37]. Кроме того, в походе должны были участвовать верные инородцы. Интересно выражение «охочих людей стрельцов».

Стоит сразу отменить гипотезу о том, что у Строгановых могли быть собственные стрельцы, так как писцовые книги [23, с. 41] упоминают лишь пищальников проживающих в слободах, кроме этого, стрельцы являлись немногочисленной прослойкой даже в государевых войсках, что и говорить о частной армии на пограничье. Скорее всего имелись ввиду либо проживающее в слободах пищальники-добровольцы, либо вооружённые огнестрельным оружием охочие казаки.

Согласно Строгановской летописи, поход завершился удачно, и большая часть мятежников была вновь приведена в подчинение [18, с. 52]. Однако часть из них, поддержанная Кучумом, сохранила боеспособность.

Именно после этого похода начинается упоминание «вогняного» (зажигательного) снаряда, который вряд ли был эффективен в обороне, зато отлично подходил для обстрела деревоземляных укреплений. В это же время тактику зажжения использовал и Стефан Баторий против старинных русских городов. Возможно, в это же время принимаются на вооружение те самые «сороки».

В 1573 году начинается «малая война» с Сибирским Ханством. Царевич Маметкул, проводит «разведку боем», в первую очередь пройдясь по землям верных русским остяков и убивает царского посланника, но по указанию русских пленных не решаются пойти на городки Строгановых, снабжённые достаточным количеством людей и артиллерии. Однако и сами Григорий и Яков Строгановы без царского разрешения (а возможно из-за недостатка свободных сил), не решаются на открытый бой.

Новой царской грамотой 1574 года они получают право не только возводить крепости на землях сибирцев, но и вести против них наступательную войну [2, с. 38-40]. Всё это позволило Строгановым проводить агрессивную политику, силой включая в сферу своего влияния новые земли и торговые пути. Однако для этих целей гарнизонов и набираемых время от времени охочих казаков с ополчением местных народов уже не хватало, нужно было профессиональное войско, имеющее опыт борьбы на чужой территории. Этим войском стал легендарный отряд Ермака, состоявший из 540 бойцов, которые были довольно опытны и хорошо вооружены уже самими Строгановыми [24, с. 88]. Именно они поменяли расстановку сил в Предуралье.

Кроме того, расширяется военная отрасль промышленности Строгановых. Помимо огнестрельного оружия эта отрасль производила и холодное оружие [14, с. 40]

Служба вольных казаков у Строгановых не являлась чем-то принципиально новым. Казаки использовались в множестве битв того времени и смогли стать аналогом тех же стрельцов в их армии [22, с. 52]

В 1579 году появляется в писцовой книге Яхонтова по Строгановским вотчинам [11, с. 1-5] уникальная информация: численность и имена пищальников в гарнизоне Орла-Кергедана. Несмотря на кажущуюся малочисленность (всего 15 дворов), они составляют 20 % населения всей слободы. Кроме того в 1579 году главным противником было Сибирское Ханство, а противники близ Камы (где и располагался Орёл) башкиры и черемисы после бунта 1572 года были временно усмирены.

Наличие отряда Ермака, «вотчинной армии» по Веденскому, обеспечили несколько спокойных лет развития Строгановских земель. Однако в 1581 году про-сибирски ориентированные остяки и вогулы напали на Сылвенские и Чусовые городки. Термин «безвестно» даёт повод предположить о существенных недостатках «сторожей», однако противник, который приступил к грабежу деревень и осаде острожков, оказался лёгкой добычей для казаков.

Довольно редкое явление для пограничных конфликтов – указание точной численности нападавших (680 человек). Вероятно, это были лишь те, кто «Государю об том доби́ли челом и вину свою принесли» [2, с. 38-39]. Вряд ли вогульский мурза Бегбелий Агтаковов вёл учёт своих войск до десятка или Строгановы записали всех погибших и убежавших противников.

Та же ситуация сложилась и с набегом черемисов, башкир и др. 1572 года, когда было указано лишь 40 черемисов, и неопределённое количество других мятежников. Вероятно, и эти 40 человек позднее «принесли вины». Причём согласно той же грамоте 1572 года покаявшиеся получали амнистию и право набегов на своих отложившихся соплеменников. Видимо, силы мятежников были более многочисленны, что также подтверждается тактикой уничтожения по частям. Причём подобную тактику должны были использовать казаки и вятчане в битве при Молодях 1572 года [22, с. 52].

Дружина Ермака вместе с гарнизонами слобод и «охочими людьми» могли обеспечить безопасность их земель, но Строгановы сделали ставку на наступательную войну. Перед роковой экспедицией 1582 года отряд Ермака был пополнен 300-стами «охочими людьми», помимо русских указаны «Литвы, и Немец, и Татар...». Вероятно Строгановы пополняли своё войско пленными военспецами с западного рубежа, которые и раньше играли важную роль в конфликтах на южных и восточных границах [24, с. 218]. Татары же могли играть роль конных

«сторожей» на рубеже. Свет на происхождение служилых татар Строгановых проливает Икосов [14, с. 62].

После существенного ослабления обороноспособности края, пелымский князь осуществил значительное нападение на пермские земли, которое и стало проверкой на прочность частной армии Строгановых.

Несмотря на опустошение земель и кажущуюся беззащитность края, ни Чердынь, ни слободы Строгановых не были взяты штурмом. Стоит настороженно относиться к упоминанию полного разгрома войска пелымцев, которое встречается в Строгановской летописи и в работе Иковского. Ведь и сами городки, отрезанные друг от друга в боях с более многочисленным противником выстояли с трудом (видимо благодаря той же артиллерии).

Скорее всего некоторые отряды и были разгромлены, по примеру кампании 1581 года, но окончательно противник был разбит уже на своей земле войском Ермака.

1582 год является пиком военного могущества Строгановых. 840 лучших бойцов были направлены в тыл противника, а немногочисленные гарнизоны не только смогли выстоять в условиях нашествия, но и вести наступательную войну. В отражении пелымцев, видимо, также участвовали верные инородцы и ополченцы из местных крестьян. Количество служилых людей к этому времени было всё же невелико. По писцовой книге 1579 года в Орле-Кергедане было всего лишь 15 пищальников. В условиях преобладания в огнестрельной пехоте казаков и «охочих людей», пищальники оставшиеся в слободах Строгановых скорее всего были «затинными», то есть артиллеристами. Максимальное количество войск, которых могли привлекать Строгановы, видимо, не превышало 1000 человек служилых людей и неопределённое количество крестьянских ополченцев.

После крушения Сибирского Ханства, отряды Строгановых подверглись постепенной национализации. В 1584 году было отобрано 50 конников, а позже «100 человек ратных людей с рушницами, и с луки, с кремля и с рогатинами и со всяким ратным боем» были направлены для усиления гарнизонов в Пермь Великую и против Пелымского [2, с. 43]. Упоминаются и конные пищальники, предтеча русских драгун [19, с. 78].

Остатки гарнизонов и городских арсеналов Чусовских городков последний раз упоминаются в 1623 году [8, с. 110, 137]. Помимо того факта, что они упоминаются как наиболее ценное имущество, причём количество некоторых орудий (тех же затинных пищалей) превосходит крепости на западной границе [8, с. 468-470]. Причём, для обороны слобод использовались и упоминаемые ранее «сороки».

В острожках уже не упоминается никакого вооружения. Вероятно, из-за устранения Сибирского Ханства и его вассалов, всё оружие было свезено в центры владения уже отдельных представителей рода Строгановых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – XVIII вв. – феномен в истории народов Евразии. – Уфа: Китап, 2016. – 376 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 548 с.
3. Андреев А. Р. Строгановы [XIV – XX в.]. – М.: Белый волк: Крафт, 2000. – 590 с.
4. Бахрушин С. В. Очерки по колонизации Севера и Сибири. Выпуск II. – Петроград: Редакционно-издательский комитет Народного комиссариата земледелия, 1922. – 137 с.
5. Боровиков С. В. Третья Черемисская война 1581 – 1585 годов // Актуальные вопросы военной истории: Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. – Киров: ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА, 2013. – С. 19-22.
6. Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI – XVII веках. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 308 с.
7. Волегов Ф. А. Родословная гг. Строгановых // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губернии. – Пермь: Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1895. – Т. 3. – 504 с.
8. Выписка из отписки псковского воеводы Никиты Мецецкого с описанием Печерского монастыря // СММЮ. – Т. 6. Кн. 2. – 1914. – 508 с.
9. Гавлин М. Л. Из истории российского предпринимательства: Династия Строгановых: Аналит. обзор. – М.: ИНИОН, 2003. – 132 с.
10. Григорьев И. Н. Черный порох [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chemistry-chemists.com/N4_2011/P4/ChemistryAndChemists_4_2011-P4-4.html (дата обращения 28.01.2021).
11. Дмитриев А. А. Пермская старина: Выпуск III. Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII в.в. – Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1891. – 212 с.
12. Дмитриев А. А. Пермская старина: Выпуск IV. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае: Строгановы и Ермак – Пермь: Типография Наследников П. Ф. Каменского, 1892. – 194 с.
13. Дмитриев А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири: Новый пересмотр сибирского вопроса. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 94 с.

14. Икосов П. С. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 году. – Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1881. – 187 с.
15. Карамзин Н. М. История Государства Российского: Т. 9-10: Иван Грозный и царь Федор Иоаннович. – М.: Московский рабочий: Слог, 1994. – 396 с.
16. Лобин А. Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – С. 104–158.
17. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. – М.: Эксмо, 2010. – 240 с.
18. Пенской В. В. Сражение при Молодях 28 июля – 3 августа 1572 г. // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. II. – С. 127–236.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства. Александроневская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Наука, 1965. – 390 с.
20. Сибирские летописи. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. – 467 с.
21. Трапезников Д. А., Григорькин В. А. Пищальники – первая регулярная пехота на Руси? // Наука без границ. – 2019. – № 8. – С. 43–48.
22. Трапезников Д. А. Вольные казаки на службе московского государства в XVI веке // Наука без границ. – 2019. – №. 8(36). – С. 49–54.
23. Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. – СПб.: в типографии Штаба военно-учебных заведений, 1842. – 120 с.
24. Храмцовский Н. К. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород: Губернская типография, 1859. – 272 с.

КОРНИШИНА Г. А., ШЕГУЛОВА М. А.

**«ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР» – КАК
ИСТОЧНИК ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА**

Аннотация. В статье анализируются сочинения европейских авторов VI – XVI вв., содержащие сведения о мордовском народе в эпоху средневековья. Извлечения из них были опубликованы в сборнике «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», который является значимой источниковедческой базой для исследователей истории и культуры мордвы.

Ключевые слова: мордовский народ, эпоха средневековья, письменные свидетельства, записки путешественников.

KORNISHINA G. A., SHEGULOVA M. A.

**"DOCUMENTS AND MATERIALS ON THE HISTORY OF MORDOVIA ASSR"
AS A SOURCE ON THE MEDIEVAL HISTORY OF THE MORDVA PEOPLE**

Abstract. The article presents an analysis of the works of European authors of the VI – XVI centuries, containing information about the Mordva people in the Middle Ages. Extracts from them were published in the collection Documents and Materials on the History of the Mordovian ASSR, which is a significant source base for researchers of the history and culture of the Mordva.

Keywords: Mordva people, Middle Ages, written evidence, notes of travelers.

В 1932-1952 гг. в Саранске учеными Мордовского института языка, литературы и истории при Совете Министров МАССР (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия) совместно с сотрудниками Института истории Академии наук СССР Б. Д. Грековым и В. И. Лебедевым были подготовлены и изданы несколько томов. В них были включены разноплановые источники, которые содержат ценные сведения об истории мордовского народа начиная с первых веков нашей эры и кончая серединой XX столетия. В частности в первом томе данного издания собраны материалы по средневековой истории мордвы. Здесь опубликованы результаты раскопок археологических памятников древней и средневековой мордвы, отрывки из русских летописных источников, а также произведений устно-поэтического творчества мордовского народа. В первый том также вошли извлечения из документов русского делопроизводства, которые характеризуют политическое, экономическое и социальное развитие мордовского края с середины XVI до конца XVII века. Особый интерес представляет подборка записок иностранных путешественников XIII – XVIII вв., в которых отражены различные стороны жизнедеятельности населения мордовских земель [2].

Первым в ряду подобных документов можно отметить отрывок из сочинения готского историка VI века Иордана, которое называется «О происхождении и деяниях гетов» или «Getica». В этом сочинении автор перечисляет названия многочисленных племен Восточной Европы, которые согласно его высказыванию были подчинены готскому королю Германариху. Среди этих народов Иордан упоминает и народ **«mordens»**: «Покорил же он племена: гольтерскифов, тиудов, инаунксов, васина-бронков, меренс, **морденс**, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов» [2, с. 20]. Уже одни из первых исследователей труда Иордана немецкие учены Т. Моммсен и К. Мюлленхоф в своих комментариях идентифицировали данный этноним с мордвой. С ними согласились и многие другие ученые. В частности данную точку зрения разделял академик Б. А. Рыбаков. Он писал: «Морденс – несомненно мордовские племена, расселившиеся по нижней половине Оки и на Волге в районе Нижнего Новгорода (сов. Горького) и далее вниз примерно до района верховий Хопра и Медведицы» [7, с. 22].

Следующим документом рассматриваемого нами сборника является извлечение из трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Он был написан в 948-952 гг. В нем император Константин, описывая расстояние, которое нужно преодолеть от границ Византии до территории, населенной печенегами, упоминает страну **«Мордиа»**: «Пачинакия (Печенегия) отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании – на шесть дней, от **Мордии** (область, где проживала мордва) – на десять дней, от России – на один день...» [2, с. 22]. Таким образом, византийцам была известна примерная территория проживания мордовского народа. Это дает повод утверждать, что мордовское общество на тот момент было достаточно развито, оно имело контакты с другими народами и государственными образованиями.

В рассматриваемом нами сборнике документов помещен также фрагмент из записок венгерского монаха-доминиканца Юлиана, совершившего несколько путешествий на восток с целью поиска Великой Венгрии, которая являлась прародиной венгров и обращение проживающего там населения в христианскую веру. Во время своих поездок монах побывал на территории, где проживала мордва, о которой он неоднократно сообщает в своих заметках.

Одно из своих путешествий Юлиан совершил в 1236 г., т.е. непосредственно перед вторжением монголо-татар в Восточную Европу. Следующее его путешествие произошло летом-осенью 1237 г., т.е. во время их нападения. И хотя Юлиан непосредственно не наблюдал это событие, но он много слышал о нем от участников данного события. Таким образом ценность сведений венгерского монаха состоят в том, что они помогают проследить обстановку в мордовском крае накануне и во время нападения монголо-татар. Одной из

основных проблем, о которой пишет Юлиан в своих сообщениях, являются вопросы вероисповедования. Он несколько раз подчеркивает, что мордвы являются язычниками, чем, по его мнению, была обусловлена их жестокость: «у них считается никуда негодным тот, кто не убил много людей» [2, с. 181]. В связи с этим он полагает, что мордва должна быть обращена в христианство, причем сделать это должны католические священники. Данную позицию он пытается внедрить в сознание своих читателей посредством высказываний князя Владимиро-Суздальской Руси, к которому якобы обратились мордва с просьбой о крещении. Но князь, по словам Юлиана, ответил, что «это не его дело, а римского папы, и что приближается время, когда все принуждены будут принять веру римской церкви и подчиниться ее власти...» [2, с. 181]. Эти сведения практически все исследователи считают недостоверными. Дело в том, что ни в одном из русских источников того времени нет никаких упоминаний об этом событии, которое было бы знаковым для процесса распространения христианства среди народов Восточной Европы. Кроме того, Владимиро-Суздальские князья были апологетами православия и не могли говорить о преимуществах католической веры в деле христианизации живущих с ними по соседству народов.

К XIII в. относятся еще два документа, представленные в сборнике. Авторами их являются Плано Карпини и Гильом де Рубрук, которые являлись послами от западноевропейских правителей к монголам. Плано Карпини в своей «История монгалов, именуемых нами Татарами» в основном пишет о территории расселения мордвы: «С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, **Мордвинами** и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия...» [2, с.182]. Надо отметить, что автор довольно точно определил географическое положение мордовских земель. В дальнейшем эти данные воспроизводились во многих западноевропейских трудах, посвященных описанию Российского государства.

Что касается сведений представленных Гильомом де Рубруком, то они гораздо обширнее и дают представление о различных сторонах жизнедеятельности мордвы. В-первых, Рубрук отмечает бинарную структуру мордвы. Он пишет, что на ее территории: «живут два рода людей, именно: **моксель**, не имеющие никакого закона, чистые язычники... Сзади них живут другие, именуемые **мердас**, которых латины называют **мердинис**, и они – саррацины...» [2, с. 182]. Как видно из этой цитаты автор не только приводит термины, которыми он обозначает две этнические группы мордвы: **моксель (moksel)** и **мердинис (merdas)** (большинство ученых идентифицируют их с мокшей и эрзей), а также указывает на их конфессиональные отличия. Мокшу он называет «чистыми» язычниками, а эрзю – «саррацинами», т.е. мусульманами. С последним утверждением не согласен Н. Ф. Мокшин,

который считает его ошибочным. Хотя возможно, что часть эрзянского населения, особенно его феодальная верхушка, зависимая от болгар, восприняли ислам.

Отмечал Рубрук и отдельные моменты, связанные с завоеванием мордовского края монголо-татарами. В частности он пишет об участии мокшанских воинов в походе монголов в Центральную Европу и гибели во время этого похода в Германии мокшанского князя. В. К. Абрамов в одной из своих книг считает, что этим князем был Пуреш или его сын [1, с. 47]. Упоминания о них встречаются в русских летописях во время описания походов Владимиро-Суздальских князей на мордву (вероятнее всего эрзю), во главе которых стоял князь Пургаз [2, с. 125-126]. В.К. Абрамов основывает свое предположение на высказывании Юлиана, который, как уже указывалось выше описал нападение татаро-монгол на поволжские земли в 1237 г. и сообщал, что они захватили, в том числе и «царство **морданов**. Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил» [4, с. 85-86]. По мнению В.К. Абрамова именно мокшанский князь (Пуреш или его сын) покорился татарам. Это было вызвано тем, что мокшанские земли, расположенные преимущественно в лесостепной зоне, были более доступны для конного монгольского войска в отличие от эрзянской территории, которая была покрыта густыми лесами. В связи с этим мокшанское войско во главе со своим князем, являвшемся вассалом монгольского хана, вынуждено было участвовать в походе Батыя в Центральную Европу [1, с. 45-46].

Сочинение Г. де Рубрука дает представление и о некоторых видах налогов, которые мордовское население должно было платить монголо-татарам. Он сообщает: «Из Руси, из **Мокселя**, из Великой Булгарии и Паскатира, то есть Великой Венгрии, из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им (татарам) повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших странах, и в которые они одеваются зимою...» [2, с. 182]. Из этого отрывка ясно, что одним из занятий мордвы была охота на пушного зверя. Далее Рубрук сообщает, что «В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы». Судя по этим высказываниям можно сделать вывод, что хозяйственный уклад мордвы в данный период включал в себя, кроме охоты, такие традиционные для населения лесного края занятия как бортничество и животноводство. Эти данные Рубрука подтверждаются и другими источниками, в частности археологическими материалами [3].

Источники XV века представлены в рассматриваемом сборнике извлечениями из книги венецианского купца и дипломата Иосафат Барбаро о его путешествии в город Тану, который находился на побережье Азовского моря. Со своими товарами он побывал и в Поволжье, где узнал о народе «**Moxia**», то есть «**мокше**». Его сочинение интересно тем, что он впервые

описал один из религиозных обрядов мордвы, а именно жертвоприношение лошади [2, с. 183]. Надо отметить, что подобный обычай существовал у мордвы довольно долго, вплоть до начала XX в. В течение года проводилось несколько молений о здоровье и размножении лошадей и до закрепления в быту народа норм православия на них обязательно забивали в жертву богам жеребенка или взрослое животное. Это было связано не только с почитанием дохристианских божеств, но и с большим значением этого животного в хозяйственной жизни. Образ коня играл заметную роль в ритуалах, связанных с плодородием, с магией урожая, а так же, как и у других финно-угров, он выступал в качестве оберега от злых сил [5, с. 49].

В XVI веке появляются сочинения, в которых приводятся не отдельные сведения о России, а обобщенное описание нашей страны и населяющих ее народов. Одним из таких сочинений является книга австрийского политика и дипломата Сигизмунда фон Герберштейна «Записки о Московии», которая увидела свет в 1549 году. В этом сочинении автор неоднократно упоминает о территории, где проживает мордва, стараясь при этом точно определить ее местоположение: «...К востоку и югу от реки Мокши встречаются огромные леса, в которых живет народ **мордва**, который имеет особый язык и подчинен государю Московии... Народ **мордва** живет у Волги, ниже Нижнего Новгорода, на южном берегу. Они во всем похожи на черемисов, за исключением того, что дома встречаются у них гораздо чаще. И здесь да будет конечный предел нашего отступления и Московской державы!...» [2, с. 183-184].

В связи с тем, что сам С. фон Герберштейн не посещал территории населенные мордвой, его сведения о народном быте довольно кратки. Хотя он отмечает несколько интересных моментов. Например, австрийский дипломат пишет о состоянии военного искусства у мордвы: «это очень сильные люди, ибо они часто храбро отражали от себя даже разбои татар, почти все они пехотинцы, замечательны своими длинными луками и отличаются опытностью в стрельбе» [2, с. 183-184]. Некоторые исследователи, которые занимались анализом данной книги С. фон Герберштейна, полагают, что возможно он сам лично видел мордовских воинов в Москве и поэтому смог точно описать их вооружение и методы ведения боя [7, с. 95]. Также интересным моментом является то, что С. фон Герберштейн подметил сходство между мордвой и марийцами: «они во всем похожи на черемисов» [2, с. 184]. Надо отметить, что «Записки о Московии» были очень популярны в Западной Европе и именно благодаря этой книге многие познакомились с политическим, социальным и национальным устройством тогдашнего Российского государства.

Среди сочинений XVI в., в которых содержатся сведения о мордве, можно также назвать произведения двух англичан А. Дженкинсона и Д. Флетчера. А. Дженкинсон в 1558 г. он совершил путешествие по Волге, в результате чего и появились его записки. В них есть

сведения и по мордовскому краю. Так как А. Дженкинсон был представителем английской Московской компании, он определял наиболее выгодные торговые пути в Персию, поэтому он тщательно отмечал все наиболее интересные с этой точки зрения пункты на своем пути. Он записывал их координаты, расстояние между ними и т.п. А. Дженкинсон попытался определить и местоположение территории населенной мордвой. Он пишет: «Продолжая таким образом наше путешествие, мы достигли 25 мая другого замка, называемого Чебоксары, в 16 лигах от Василь-города; он остался по правую руку от нас. Окрестная страна называется **мордва...**» [2, с. 184].

Кроме указания на территорию проживания мордвы А. Дженкинсон приводит сведения о политическом положении мордовского народа и его религиозных воззрениях: «...ее жители исповедовали языческую веру; теперь, будучи покорены нынешним русским царем, они по большей части крещены, но живут в лесах и пустынных местах без городов и жилищ...» [2, с. 184]. То есть он связывает факт вхождения мордовских земель в состав Российского государства с процессом ее христианизации.

Более подробные сведения о религиозных обрядах мордвы приводит в своем сочинении «О государстве Русском, или Образ правления Русского царя (обыкновенно называемого царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны» другой англичанин Д. Флетчер. Он ошибочно впрочем, как и многие другие европейские путешественники, относил мордву к татарам. В его записках отмечается, что «... **татары мордовские...** своими обычаями, так и странным образом жизни, отличаются от всех прочих» [2, с. 184]. Флетчер довольно подробно описывает погребальные обряды мордвы: «Если у кого из них умрет его приятель, то он убивает своего лучшего коня и, содрав с него шкуру, несет ее на длинном шесте впереди покойника на кладбище» [2, с. 185]. О данном обычае, сохранявшемся у мордвы и позже, довольно часто писали различные авторы вплоть до начала XX в. Например И.К. Смирнов в своей статье о мордве Пензенской губернии отмечал, что шкуру жертвенной лошади клали на могилу, вешали на могильный столб или кладбищенские деревья. Позже ее стали продавать и на вырученные деньги покупали котел для браги, который назывался стариковым (то есть котлом предков) [6, с. 6].

Подводя итог всему сказанному, следует сделать вывод, что «Документы и материалы по истории Мордовской АССР» являются серьезным вкладом в создание научной базы историографии мордовского народа. Сборник содержит много ценных источниковедческих материалов, которыми до настоящего времени пользуются исследователи истории и культуры мордвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. К. По следу времени. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – 302 с.
2. Документы и материалы по истории Мордовской АССР / отв. ред. Б. Д. Греков, В. И. Лебедев. – Т. 1. Ч. 1. – Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. – 432 с.
3. Жиганов М. Ф. Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 5–76.
4. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе / Пер. С. А. Аннинского // Исторический архив. – Том III. – М.-Л., 1940. – С. 71–112 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vk.com/wall-15658634_8164 (дата обращения 25.03.2022).
5. Корнишина Г. А. Обряды мордвы, связанные с почитанием лошади (коня) // Культурные миры финно-угрии: опыт прошлого в моделях будущего: материалы всерос. науч. практич. конф. с межд. участием, Саранск, 19 апреля 2016 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. – С. 45–50.
6. Смирнов Н. К. Мордовское население Пензенской губернии // Пензенские епархиальные ведомости. – 1875. – № 5. – С. 1–12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://paradeev.com/wp-content/uploads/2018/02/1874_МОРДВАПЕНЗЫ_OR.pdf (дата обращения 22.03.2022).
7. Юрченков В. А. Взгляд со стороны. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 284 с.

МОКШИНА Е. Н., АРХИПОВ Д. В.
ОБ ЭКОНОМИКЕ УЛЬЯНОВСКОГО РЕГИОНА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Аннотация. В статье рассмотрено развитие экономики Ульяновского региона в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В это время сюда были перевезены многие заводы, вследствие чего регион постепенно вышел на более высокий качественный уровень развития экономики, чем в довоенный период. Эвакуация значительного количества промышленных предприятий с большими людскими ресурсами и создание армейских частей привели к ухудшению в системе управления Куйбышевской областью. В результате Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 г. образовалась Ульяновская область в составе 26-ти районов.

Ключевые слова: Куйбышевская область, Ульяновский регион, Великая Отечественная война, промышленные предприятия, экономика, эвакуация, рабочие.

MOKSHINA E. N., ARKHIPOV D. V.
ON THE ECONOMY OF THE ULYANOVSK REGION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Abstract. The article is devoted to the development of Ulyanovsk region economy during the Great Patriotic War in 1941–1945. At this time, many plants were moved here. As a consequence, the region was gradually reaching a higher quality level of economic development than in the pre-war period. The evacuation of a significant number of industrial enterprises with large human resources and the creation of army units led to a deterioration in the management system of the Kuibyshev region. As a result, by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January, 1943 was formed Ulyanovsk region, consisting of 26 districts.

Keywords: Kuibyshev region, Ulyanovsk region, Great Patriotic War, industrial enterprises, economy, evacuation, workers.

Находясь до 1943 г. в составе Куйбышевской области, Ульяновский регион вносил весомый вклад в развитие экономики страны в годы Великой Отечественной войны. В период военных действий в Ульяновскую административную единицу Постановлением СНК СССР от 05 июля 1941 г. № 1823-816с были перевезены многие заводы, что позволило значительно увеличить производственные показатели [2, с. 35]. Рабочие, трудившиеся на эвакуированных промышленных предприятиях, также были перевезены в Ульяновский регион. Всего в Ульяновскую административную единицу к февралю 1942 г. было

перевезено 20 заводов. В частности, в Ульяновске были размещены: промышленное предприятие № 11 Наркомсвязи из административной единицы Ахтырка, промышленное предприятие контрольно-измерительной техники из Киева, расположившееся в помещениях ликеро-водочного предприятия, промышленное предприятие по ремонту вагонов «Памяти Революции 1905 года» из московской административной единицы, два завода по изготовлению тканей – витебское промышленное предприятие им. КИМ и киевское промышленное предприятие им. М. Горького. Также в ульяновскую административную единицу из Москвы было перевезено Союзное автономное промышленное предприятие № 6, объединившееся с ворошиловским промышленным предприятием № 8. Данное промышленное предприятия выполняло преимущественно работы по покраске, а также дизайну тканей. Сумские заводы по производству алкогольсодержащей продукции после прибытия расположились в помещениях городского спиртзавода № 2.

Осенью 1941 г. в Мелекесс было полностью перевезено витебское промышленное предприятие им. К. Цеткин, которое выбрало в качестве базы местный комбинат льна. Предприятие сконцентрировалось на выпуске нижней одежды, а также сукна. Наряду с ним в Ульяновскую административную единицу перевезены были киевские, харьковские и запорожские промышленные предприятия, сконцентрированные на переработке зерновых культур. Данные промышленные заведения по указу местных властей были слиты с региональными промышленными заводами по изготовлению пищевых продуктов [2, с. 35].

В Ульяновский регион были перевезены промышленные предприятия, занимающиеся выпуском тканей и продуктов питания. Промышленное предприятие из Гомеля «Красный металлист» расположилось в заводских помещениях седьмого предприятия Союзтиль в населенном пункте Базарный Сызган. Перевезенное предприятие сконцентрировалось на выпуске деталей из стали. Брасовское механическое промышленное предприятие, перевезенное из Орловской административной единицы в ноябре 1941 г., вошло в состав мастерских по ремонту таксомоторов и автобусов близ населенного пункта Барыш. Из Орловской административной единицы был перевезен также Кокраевский лесокомбинат, который был слит с Поливановским лесозаводом в единое промышленное предприятие. Было перевезено в Барыш и сумское суконное предприятие, которое было слито с суконным предприятием им. Я. Свердлова. В дальнейшем переехало в Барыш и киевское прядильное предприятие [2; 4]. В целом на территорию Ульяновской административной единицы было перевезено большое количество промышленных предприятий, что позволило значительно усилить её промышленный потенциал.

Согласно постановлению ГКО СССР, опубликованному 13 октября 1941 г. за № 782, бюро Куйбышевского обкома партии дало распоряжение начать строительные работы по формированию рубежа обороны и осуществлению рекогносцировки. С целью осуществления плана были сформированы 12 управлений военно-полевых строителей, причем 10 из них находились на территории Ульяновской административной единицы. Также оборонное значение Ульяновской административной единицы возросло благодаря созданию 25 января 1942 г. Волжской военной флотилии и размещению в ключевых районах региона воинских подразделений [1, с. 80].

Введение в эксплуатацию перевезенных промышленных предприятий, формирование армейских подразделений и управление достаточно большой территориальной единицей с присущими ей социальными и экономическими чертами создавало определенные сложности для контроля за выполнением партийных распоряжений по Ульяновскому региону, изданных в Куйбышеве, в особенности в реалиях войны. Основываясь на таких фактах и доводах 1 июня 1942 г. первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП (б) В. Д. Никитин и председатель исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся Н. М. Васильев направили письмо в Москву – председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину и секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Андрееву. Авторы письма в его начале подчеркивали, что к середине 1942 г. Куйбышевская область сформировалась как важный промышленный район СССР. В частности, города Куйбышев и Ульяновск стали центрами авиационной промышленности, возникли предприятия новых отраслей машиностроения и электростроения, например, шарикоподшипниковый и кабельный заводы в Куйбышеве, завод «Электропускатель» в Ульяновске. На базе эвакуированного из оккупированных районов в области строились новые предприятия пищевой, легкой и текстильной промышленности. Строительство газопровода «Куйбышев-Бугуруслан», наряду с расширением нефтедобычи, нефтеразведок, строительством нефтеперерабатывающих предприятий, выдвигали новые сложности и проблемы в области управления и развития соответствующих отраслей [3, с. 105].

Вследствие перевоза ряда промышленных предприятий ульяновский регион постепенно выходит на более высокий качественный уровень, чем в довоенный период. В частности, в 1943 г. показатели промышленности возросли в среднем на 45% по сравнению с предшествующим годом. Осенью 1941 г. работники ж/д добились увеличения показателей по выгрузке товарной продукции из вагонов на 130%. Артели промысловой кооперации, деревообрабатывающие промпредприятия и районные комбинаты сконцентрировались на выпуске товаров первой необходимости для фронтовиков. «Главтрикотаж» перевыполнил

план на 17%, суконное предприятие им. М. И. Калинина на 2%, суконное предприятие 3 Интернационала на 1% [5].

На предприятиях города устанавливались строжайший контроль за дисциплиной – однократное отсутствие на предприятии работника по неуважительной причине в течение 25 минут приравнивалось к прогулу, как и трехкратное опоздание на срок менее 25 минут. Благодаря установлению строгой дисциплины, а также заинтересованности работников в выполнении плановых показателей для достижения скорейшей победы привело к стремительному промышленному росту. В частности, в 1943 г. было выполнено 97% от плановых показателей, а выпуск продукции по сравнению с 1941 г. возрос на 43%. На предприятиях оборонного значения прирост созданной продукции в 1943 г. по сравнению с 1941 г. составил 56% [1, с. 89]. Благодаря мероприятиям горкома на промышленных предприятиях удалось организовать социалистические соревнования, что дало возможность получить эффективный прирост производительности труда и снизить количество бракованной продукции [6, с. 41].

В целом за 1941–1943 гг. эффективность труда на промпредприятиях выросла на 412%. Существенно преуспели коллективы оборонных компаний в процессе рационализаторства и изобретательства, что позволило сэкономить около 46 млн. рублей. В частности, на партийном собрании отмечалось, что в промышленном предприятии «Контактор» было организовано шесть субботников и внедрено несколько рационализаторских предложений. В июле 1943 г. было предложено 28 рационализаторских предложений, которые все без исключения были стремительно изучены. В результате, 25 из них удостоились положительной оценки и были внедрены в производство. Введение рационализаторских услуг дало возможность сэкономить 30 тыс. рублей, усовершенствовать качество продукта, снизить временные затраты для производства единичных элементов. Использование металлических винтов взамен латунных, приобретение сернокислотного цинка из железного цинка предоставили возможность трудиться в отсутствие редкого сырья.

Данные достижения стали возможны, прежде всего, благодаря заинтересованности работников промышленности и их желанию помочь фронтовикам необходимым оборудованием и товаром, чтобы как можно скорее закончить войну. Нехватка рабочих кадров из-за ухода большинства квалифицированных специалистов на фронт, возмещалась с помощью масштабного привлечения девушек и молодых людей, ранее не трудившихся граждан, а также привлечения к работе лиц пенсионного возраста. Существенную лепту в армейскую экономику государства приносили и прочие сферы индустрии. К примеру,

легкопромышленные предприятия за 1941–1943 гг. создали более 19 тыс. метров сукна для пошива армейской одежды [5; 6, с. 41–42].

Таким образом, Великая Отечественная война коренным образом изменила экономическую ситуацию в Ульяновском регионе. Эвакуация значительного количества промышленных предприятий с большими людскими ресурсами и создание армейских частей привели к ухудшению в системе управления Куйбышевской областью. В результате назрела острая необходимость в разделении достаточно крупного региона на две части, что в скором времени и было реализовано. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 г. образовалась Ульяновская область в составе 26-ти районов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Забалухина Н. В., Пашкин А. Г. Симбирский – Ульяновский край в новейшей истории России. 1917–1991 гг. Люди. События. Факты. – Ульяновск, 2012. – 200 с.
2. История населенных пунктов Симбирской губернии – Ульяновской области в документальном наследии: материалы научно-практической конференции. Ульяновск, 14 марта 2007 года. – Ульяновск, 2007. – 70 с.
3. Мухамедов Р. А., Вильчик А. А. Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 3–1. – С. 104–107.
4. Пролетарский путь. – 1941. – 8 июня.
5. Ульяновская правда. – 1943. – 11 июня, 17 июля.
6. Филимонова Е. Н. Государственные органы власти России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-региональный аспект – городские Советы Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей. – Самара, 2006. – 211 с.

САЧКОВА А. Е.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ОБЛАСТИ УКРЕПЛЕНИЯ ВНУТРИЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ МОРДВЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются точки зрения представителей национального мордовского движения на проблему степени консолидации основных подразделений мордовского этноса (мокша и эрзя) в единый народ. Анализируется деятельность мордовских национальных организаций по укреплению их внутриэтнического единства.

Ключевые слова: мордва, мокша, эрзя, национальные общественные организации, Масторава, Эрзянь мастор, съезд, Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа.

SACHKOVA A. E.

**ACTIVITIES OF NATIONAL PUBLIC ORGANIZATIONS
AIMED TO STRENGTHEN INTRA-ETHNIC CONSOLIDATION OF THE MORDVA**

Abstract. The article examines the points of view of representatives of the national Mordovian movement on the problem of the degree of consolidation of the main ethnic groups of the Mordova (Moksha and Erzya) into a single people. The author analyzes the activities of Mordovian national organizations aimed to strengthen their intra-ethnic unity.

Keywords: Mordva, Moksha, Erzya, national public organizations, Mastorava, Erzian Mastor, Congress, Interregional social movement of the Mordova (Moksha and Erzya).

Характерной особенностью мордовского этноса является его бинарность – присутствие в его структуре двух этнических общностей (субэтносов – мокши и эрзи). До настоящего времени нет однозначного мнения по поводу определения их статуса, в частности степени их консолидации в единый народ. В связи с этим интересно проследить, деятельность мордовских национальных организаций в области укрепления внутриэтнического единства мордвы.

Формирование национальных мордовских обществ начинается с середины 1980-х гг. Практически сразу же среди их представителей наметились разногласия о путях и средствах национального возрождения, которые, по мнению некоторых деятелей национального движения, должны быть различными для эрзи и мокши. Проявлением данной позиции стало их требование отказаться от общего этнонима «мордва» и признать наличие двух различных, самостоятельных народов эрзи и мокши. Этот вопрос официально был поднят на учредительном съезде Эрзянско-мокшанского общественного движения «Масторава» в августе 1990 г. В его резолюцию был внесен запрос о переименовании Мордовской АССР в

Мокшанскую и Эрзянскую АССР, а также о признании эрзян и мокшан самостоятельными народами [5].

Подобные радикальные взгляды вызвали серьёзные опасения умеренных членов «Масторавы» за судьбу всего национального движения. В своем выступлении на Первом всероссийском съезде мордовского народа в 1992 г. ее председатель Д. Т. Надькин, выражая их точку зрения, осудил сторонников «племенного эгоизма». Хотя сам он считал, что эрзяне и мокшане являются двумя самостоятельными народами, но призвал сохранять по его выражению «существующее положение» [4]. Большинство делегатов поддержали его и решили в резолюции съезда вернуться к наименованию мордовский народ, а также отказаться от требования переименования республики. Но были и сторонники альтернативной точки зрения, которые ратовали за отказ от наименования мордва и признания самостоятельности мокши и эрзи. Достичь договоренности между умеренной и радикальной группами «Масторавы» не удалось, что привело в 1995 г. к прекращению ее деятельности как единого общества.

Большое влияние на обострение противоречий в мордовском национальном движении оказало создание в 1993 г. общества «Фонд спасения эрзянского языка», а также Ассоциации эрзянских женщин «Эрзява», информационными органами которых является газета «Эрзянь мастор» («Эрзянская Земля»), а также интернет-портал «Эрзянь ки» («Путь эрзян»). В уставе этих организаций четко прописано, что ее члены выступают за разделение мордвы на эрзянский и мокшанский народы, а также «... возрождение эрзянской государственности в виде образования на территории Мордовии Эрзянского национального округа» [1, с. 61].

Надо отметить, что идеи размежевания мордовского этноса у эрзянских представителей национального движения проявлялись гораздо интенсивнее, чем в кругах мордвы-мокши. Так, лидер Ассоциации мокшанских женщин «Юрхтава», Н. Н. Кудашова, отмечала, что в отличие от аналогичной Ассоциации эрзянских женщин, в уставе их организации нет требования отмежевания эрзян от мокшан, которые входят в состав единого мордовского народа. Возможно, эта разница в позициях эрзянских и мокшанских представителей национального движения отчасти было вызвано несбалансированной кадровой политикой 1990-х гг., когда в руководстве Республики Мордовия преобладали мокшане.

Различные точки зрения по поводу определения статуса субэтносов мордвы фиксировались в программных документах национальных организаций и в дальнейшем. Так, в резолюции Второго съезда мордовского народа (1995 г.) отражено неоднозначное мнение по данному вопросу. В ней было заявлено о том, что не надо нарушать историческую уникальность эрзи и мокши в составе мордовского этноса и национально-государственное устройство республики. Но в тоже время здесь содержится требование формулировать в

паспортах национальную принадлежность не мордва, а эрзя или мокша [6]. Таким образом, де-факто эти этнические группы признавались самостоятельными народами.

Довольно бурная дискуссия по рассматриваемой проблеме происходила и на Третьем съезде мордовского народа (1999 г.). В результате большинство делегатов (215 человек против 19) высказались за единство мордовского этноса. В документах съезда было отмечено, что попытки разобщения могут привести к тому, что мордва может быть выведена из состава национально-политических субъектов России и в будущем превратится в разобщенные этнографические группы [3]. Знаковым решением съезда, которое, по сути, зафиксировало вышеуказанное мнение, было избрание Межрегионального Совета общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (ныне Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа). Он стал новой политической организацией, пришедшей на смену «Мастораве» и возглавившей национальное движение в XXI веке.

В программных документах последующих съездов мордовского народа IV (2004 г.), V (2009 г.) и VI (2014 г.) также неизменно фиксировался тезис о его единстве. Это мнение поддерживают и государственные структуры Республики Мордовия, которые с середины 1990-х гг. стали активно сотрудничать с национальными общественными организациями. Они начали уделять больше внимания развитию национальной культуры и образования, оказывать помощь и поддержку изданиям на национальных языках и т.п. При этом руководство республики довольно успешно нейтрализует деструктивную деятельность радикальных организаций мордовского народа. Так, в 2004 г. национальным праздником стал Раскень Озкс (Родовое Моление), который был инициирован активистами эрзянских национальных организаций в качестве пропаганды традиционных дохристианских верований. Это, по их мнению, должно было способствовать упрочению этнической консолидации эрзи, которая увязывалась с идеей этнического раскола мордвы. Но в результате работы, проведенной совместно лидерами Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа и региональными властями, теперь в общественном сознании Раскень Озкс стал своеобразным этническим символом, праздником, способствующим не только сохранению народных традиций, но и их обновлению и дальнейшему развитию [2, с. 60-61].

Работа национальных общественных организаций по укреплению внутриэтнической консолидации мордвы продолжается и в настоящее время. Прошедший 23 – 25 октября 2019 г в Саранске VII съезд Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, н

а который было избрано 369 делегатов и 73 наблюдателя из 33 регионов России с компактным проживанием мордвы, принял резолюцию. В ней отмечается, что для сохранения,

как самого мордовского этноса, так и упрочения его единства необходимо активизировать работу национальных общественных организаций по сохранению национальной культуры и укрепления этнической и гражданской идентичности мордвы. С этой целью, говорится в резолюции, надо использовать не только традиционные методы работы, но и современное социокультурное, образовательное и информационное пространство (on-line курсы, семинары, фестивали, дни мордовской культуры, конкурсы национальной прессы, сетевое взаимодействие и т. д.) [7].

Важной сферой подобной деятельности может быть, к примеру, этнокультурный туризм. Его интересными объектами могут стать Дом-музей «Этно-кудо» им. В. И. Ромашкина в селе Подлесная Тавла Кочкуровского района и «Крестьянская изба» в селе Старая Теризморга Старошайговского района. Этно-кудо» был открыт в сентябре 2006 г. в честь Владимира Ивановича Ромашкина – заслуженного деятеля культуры Республики Мордовия, музыканта, кинодокументалиста, фольклориста, который внёс большой вклад в сохранение и развитие эрзянского языка и распространение финно-угорской культуры. «Крестьянская изба» – это этнографический музей под открытым небом, созданный в 2007 году в рамках Международного фестиваля культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!». В этих музеях представлены предметы традиционного быта мордвы, в с. Старая Теризморга также экспонируются образцы вышивки, национальные костюмы и изделия прикладного творчества.

Этническому единению людей, их сопричастности со своим народом способствуют также праздники, которые привлекают своей массовостью, зрелищностью, возможностью каждого человека независимо от возраста повеселиться, показать свои способности в плясках, хороводах, песнях, борцовских или кулачных поединках, в различных играх и забавах. Примерами таких современных праздников мордвы являются «Акша келу» («Белая береза») в Zubovo – Полянском районе, «Игрища» в Больше – Игнатовском районе, «Тюштянь налксемат» («Игры Тюшти») в Кочкуровском районе и т.д.

Таким образом, национальные общественные организации мордовского народа, которые в настоящее время занимают важное место общественно-политической жизни республики и имеют стабильные и устойчивые взаимоотношения с ее властями, делают все возможное чтобы сохранить единство мордовского (мокшанского и эрзянского) народа и развивать его историческое и культурное наследие в едином культурном пространстве многонациональной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. К. Мордовское национальное движение. – Саранск, 2010. – 184 с.
2. Корнишина Г. А. Праздники «Раскень озкс» и «Акша келу» в современной культуре и общественно-политической жизни мордвы // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре. – Самара, 2016. – С. 58–62.
3. Материалы III съезда мордовского народа 7-8 октября 1999 года, г. Саранск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.suri.ee/doc/ru/mord/sjezd3/rezseks.html> (дата обращения 16.04.2018).
4. Надькин Д. Т. Проблемы возрождения эрзян и мокшан. Доклад на I съезде мордовского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.suri.ee/doc/ru/mord/dokla92.html> (дата обращения 16.04.2018).
5. Резолюция I Всесоюзного съезда общества национального возрождения «Масторава» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.suri.ee/doc/ru/mord/resol90.html> (дата обращения 16.04.2018).
6. Резолюция II съезда мордовского (мокшанского и эрзянского) народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.suri.ee/doc/ru/mord/resola95.html> (дата обращения 16.04.2018).
7. Резолюция VII съезда Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mordvarf.com/rezoljucija-vii-sjezda/> (дата обращения 25.04.2022).

ЗАБИРОВ С. А., КИСТАНОВ С. В., СЛАВКИНА Р. В.
ВОПЛОЩЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
В ЛИТЕРАТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ

Аннотация. В статье рассматривается отражение личности и деятельности князя Александра Невского сквозь призму культурного наследия – литературу и кинематограф. Отмечаются самые известные научные и художественные произведения, описывающие князя и упоминающие основные его деяния, в том числе Ледовое побоище.

Ключевые слова: наука, литература, кинематограф, князь, патриотизм, героизм.

ZABIROV S. A., KISTANOV S. V., SLAVKINA R. V.
IMAGES OF ALEXANDER NEVSKY
IN LITERATURE AND CINEMA

Abstract. The article considers the interpretations of the personality and activities of Prince Alexander Nevsky in the framework of cultural heritage, namely literature and cinema. The most famous scientific and artistic works describing the prince and mentioning his main deeds, including the Ice Battle, are studied.

Keywords: science, literature, cinema, prince, patriotism, heroism.

Россия – страна с богатейшей историей, на страницах которой присутствует огромное число ее ярчайших представителей. Это политические деятели, полководцы, деятели науки и культуры, а также рядовые граждане, внесшие свой весомый вклад в тысячелетнюю историю страны. Историческая память, присущая поколениям жителей нашей страны не позволяет забывать о героических страницах нашего прошлого, на которых золотыми буквами вписаны знаменитые деяния наших предков – наших героев.

Одной из характерных черт российской истории является формирование и культивирование образа героя как воплощения борьбы Российского государства в ее разные эпохи с многочисленными врагами, стремящимися поставить под вопрос ее суверенитет и независимость. Чертами героев обладает огромное число исторических персонажей, а также лиц, историчность которых ставится под сомнения. Черты исторического героя, во многом, перекликаются с чертами былинных и сказочных персонажей русского фольклора, уходя корнями в далекое историческое прошлое нашей страны. Героический ореол сопровождает практически каждого известного персонажа российской истории, тесно связанного с борьбой русского народа за независимость, а также защитой государства от вторжения агрессивных соседей. Черты былинных героев присущи и Владимиру «Мономаху», и Дмитрию «Донскому», и, конечно же, Александру «Невскому».

Яркие, харизматичные персонажи российской истории нашли свое отражение, как в народной памяти, так и на страницах научной литературы. Не стал исключением в этом плане и Александр Ярославич «Невский», князь Переславский, Новгородский, Великий князь Владимирский.

Научные исследования, связанные с жизнью и деятельностью Александра Ярославича появляются практически с момента формирования истории как науки. Соответственно, первым историком, на страницах научного труда которого и появляется князь, стал «Отец русской истории» Василий Никитич Татищев, который предпринял серьезные усилия по сбору всей сохранившейся информации об Александре Невском. В своем труде «История Российская с самых древнейших времен» он освещает деятельность Александра Невского и его связи с Золотой Ордой, критически оценивая получение Александром права на княжение во Владимире. При описании событий 1252 г. Татищев указывает на то, что Александр, отправившись в Орду, пожаловался хану Сартаку на своего брата Андрея, тем самым несправедливо сместив его с великокняжеского престола. Касаемо высших сил, он пишет, что именно личностные навыки определили путь истории, и именно сам Невский побеждал в сражениях, не пользуясь «чудом» [11].

Во второй половине XVIII в. изучение деятельности Александра Невского продолжил князь М. М. Щербатов. При создании «Истории российской с древнейших времен» он обращался к трудам Татищева и стремился показать образ Александра максимально правдиво, не принимая в счет фантастические или религиозные объяснения. Согласно Щербатову, князь готов был отдать свою жизнь не за христианство, а за Отечество. Большое внимание он уделял характеру князя, особенно отмечая его храбрость и мудрость, выраженные в проводимой политике по отношению к Золотой Орде во избежание татарских нашествий [14]. Следует отметить, что и у Татищева, и у Щербатова сведения об Александре Невском расположены согласно летописной традиции, когда сообщения о разных по содержанию событиях перечисляются во временной последовательности.

В XIX в. Александр Невский закономерно присутствует в трудах трех главных классиков российской исторической науки. Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» представляет Александра Невского как славного русского воина, храброго и талантливого полководца. При создании своего труда Карамзин использовал данные из разных документов, в том числе зарубежных [6]. Особое место было отведено князю Александру и его связям с Ордой в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Он представляет Александра народным героем в противостоянии немецким и шведским завоевателям [10]. Александр Невский не был обделен вниманием и В. О. Ключевского. Ученик Соловьева большое внимание уделял изучению агиографических источников, и стал

первым, кто начал исследовать «Житие...» как источник. Но в «Курсе русской истории» Невский упоминается лишь несколько раз [7].

В советские годы личность Александра Невского становится востребованной в научной среде. Автором первой научной статьи об Александре Невском в советской историографии был А.И. Козаченко. Он пролил свет на историю крестоносной экспансии в Прибалтике и дал оценку положению Руси после монголо-татарского нашествия [8].

Советско-финляндская война 1939 – 1940 гг. повлияла на взгляды немецкого ученого Ф.Б. Шенка. События данной войны он сравнивает с походом Александра 1256 года, во время которого боевые действия русские воины вели на территории современной Финляндии [18]. В 1951 году в «Исторических записках» была опубликована статья Э. К. Паклара «Где произошло Ледовое побоище?». В ней представлены многолетние исследования по изучению предполагаемого места битвы [9]. В своих работах И. П. Шаскольский называет Невского единственным правителем, который не согласился на компромисс с католической церковью ради сохранения власти [12].

Современные историки расходятся во мнениях: кто-то называет Александра Ярославовича коллаборационистом и жестоким тираном, В. Янин критикует Александра Ярославовича, считая, что он распространил на Новгород татарскую власть [17]. С. Т. Баймухаметов считает, что Александр принял важное и верное решение, подавив восстание в Новгороде, который не хотел платить Золотой Орде дань [3].

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что Александр Невский был желанным предметом исследования для российских и западных историков. При этом нужно отметить, что двойственность во взглядах на деяния князя сохранилась и до наших дней.

Однако не стоит считать, что Александр Невский появлялся лишь на страницах научной литературы. Не менее он был представлен и в литературе художественной.

Первым литературным трудом, посвященном князю, стало «Житие Александра Невского», созданное, предположительно, в конце XIII в. Автор, которым вероятно был книжник из окружения митрополита Кирилла, сообщает, что лично знал Александра Невского и был свидетелем его деяний. К настоящему времени известны 13 редакций «Жития» XIII–XVII вв., наиболее из которых была составлена около 60-х гг. XIII в., Житие представляет собой биографию князя: его рождение, происхождение, оборонительные войны со шведами, немцами, и его смерть. В этом биографическом произведении описываются главные заслуги князя, и конечно же описывается взаимосвязь Бога и князя. Интересная цитата: «Не в силе Бог, а в правде. Иные – с оружием, иные – на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем!» [5].

В конце XVIII века, а окончательно уже в XIX веке, под влиянием трудов светских историков личность князя Александра приобретает черты национального героя. Победы князя

Александра играли функцию поднятия патриотизма – к тому времени уже определилось мировое положение России как страны, которая является хранительницей православия и защитить ее от посягательств римских пап. В церковно-сакральном смысле Ледовое побоище во второй половине XIX в. по-прежнему было антикатолическим и антизападным символом.

Самым известным отечественным литературным произведением XX в. об Александре Невском стала повесть В. Г. Яна «Юность полководца», написанная в 1952 г. Этой повестью Ян завершил цикл исторических произведений, посвященных ключевым событиям развернувшихся на просторах Евразии в XIII в.: романов «Чингисхан», «Батый» и «К последнему морю». В «Юности полководца» рассказывается о заслугах князя в деле обороны Руси от шведов и Тевтонского ордена в начале 1240-х гг. В. Ян в своих повестях показывал историю жестоких завоевательных походов через призму жизни своих героев – как князей, так и простолюдинов. Александр Невский там показан как защитник русских земель, не щадивший себя в борьбе с ее врагами. Центральные сцены повести – Невская битва и Ледовое побоище демонстрируют патриотизм, как князя, так и простых воинов, а также полководческие способности молодого Александра [16].

Одним из масштабных литературных произведений, посвященных Александру Невскому, стала эпопея советского писателя и литературоведа А. К. Югова «Ратоборцы», написанная в 1944-1948 гг., в которой князь показан одним из главных защитников Руси наряду с князем Даниилом Галицким. А.К. Югов изображает князя как мудрого дипломата и дальновидного политика, а сам князь приближен к народу [15].

Отдельно стоит отметить поэму К. Симонова «Ледовое побоище», написанную автором в 1937 г. Поэма проводит исторические параллели между событиями 1240-1242 и 1918 гг., связанные с вторжениями немцев на русские земли. Интересна эта поэма и тем, что ее шестая глава в сокращенном варианте входила в учебный план школьных предмета советской школы 1970-80-х гг. – Истории. Ученики четвертых классов знакомились с отрывками из поэмы в рамках курса «Рассказы по истории СССР», которые иллюстрировали параграф учебника «Разгром немецких рыцарей», который описывал события Ледового побоища 5 апреля 1242 г. [4].

В кинематографе впервые на экране Александр Невский появился в одноименном фильме Сергея Эйзенштейна, вышедшем в 1938 г. и до нашего времени считающегося одним из шедевров советского кинематографа. Значительность этой картине добавляет и музыка Сергея Прокофьева. Фильм повествует о грозных событиях 1242 г., когда на Русь с северо-запада напали захватчики-крестоносцы, а русские воины во главе с Александром Невским разбивают захватчиков на льду Чудского озера [2].

«Александр Невский» вышел на экран 1 декабря 1938 года и заслужил всенародное признание, а сам режиссер был награжден орденом Ленина, получил Сталинскую премию и степень доктора искусствоведения. Фильм был очень актуален для предвоенной эпохи и современен для событий 1930-х гг., ибо содержал легко читаемую аллегория: под псами-рыцарями подразумевается нацистская Германия, а под Новгородской Русью – Советский Союз. Практически, в качестве напутствия тогдашнему поколению являлась последняя сцена с участием князя, в которой он произносит свой знаменитый монолог: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива! Пусть без страха жалуют к нам в гости, но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет! На том стоит, и стоять будет Русская Земля!». Нельзя не согласиться, что эта фраза, вложенная потомками в уста князя, стала одним из факторов подъема национального духа в тяжелые годы Великой Отечественной войны, и в конечном итоге, одной из предпосылок победы народов Советского Союза над Германией. И ведь, действительно, сколько бы завоевательных походов против России не устраивали – почти все они заканчивались для агрессора поражением, либо же мы «проигрывали битву, но не проигрывали войну».

Несколько интересных фактов непосредственно связаны с фильмом «Александр Невский». Главного героя в нем сыграл знаменитый советский актер театра и кино Николай Черкасов, а в конных батальных сценах его дублировал известный советский военачальник генерал Лев Доватор. Через три года конный корпус Доватора примет участие в героической обороне Москвы, будет участвовать в контрнаступлении Красной армии от стен советской столицы, а сам командир 21 декабря погибнет во время атаки под городом Руза. А 29 июля 1942 г. в Советском Союзе будет учрежден орден Александра Невского. Так вот, профиль Николая Черкасова будет изображен на ордене, так как никакого прижизненного портрета Александра Невского не сохранилось, а сам образ Невского стал ассоциироваться именно с Николаем Черкасовым.

Совершенно иные ассоциации связаны с современным художественным фильмом об Александре Невском – «Александр. Невская битва», с Антоном Пампушным в главной роли. Сам фильм, снятый в 2008 г., кишит фактическими ошибками: неправильно указано даже отчество князя, его возраст, и его поведение (в фильме Невский хочет «повоевать»); отсутствие у князя «старшей дружины» (если судить по оружию защитному и наступательному); шлемы на рыцарях XV-XVI вв. Сам фильм не вызвал таких позитивных откликов, как его великий предшественник, и остался одним из рядовых фильмов современного российского кинематографа [1].

Итак, Александр Невский является привлекательной фигурой для российской литературы (как научной, так и художественной), а также для кинематографа. Александр

Невский включал в себя такие характеристики как мужество, отвага, мудрость, справедливость, патриотизм – все это придавало ему статус героя и человека, который для многих является примером для подражания. Соответственно, историки, политические деятели использовали биографию Александра и его личность как таковую для поднятия морального духа граждан нашей страны в различные тяжкие времена нашей истории.

Да, возможно вам покажется все это незначительным, но факт есть – происходит смена идей и ценностей, где некоторые личности, поистине заслуживающие своего упоминания, отходят на второй план. Несмотря на это, личность Александра Невского остается одним из тех связующих элементов, который не дает забыться нашей славной, героической истории, служит для связи поколений современной России. Не зря же, когда в 2008 г. был проведен конкурс «Имя России», его победителем по итогам зрительского голосования стал именно Александр Невский. Население нашей страны помнит его деяния, и значение его деятельности для будущего нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр. Невская битва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iv.ru/watch/73013> (дата обращения: 01.06.2022 г.).
2. Александр Невский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smotrim.ru/video/2305790>. (дата обращения: 01.06.2022 г.).
3. Баймухаметов С. Т. Александр Невский. Спаситель Русской земли. – М.: Астрель: Олимп, 2009. – 221 с.
4. Голубева Т. С., Геллерштейн Л. С. Рассказы по истории СССР. 4 класс. – М.: Просвещение, 1986. – 256 с.
5. Житие Александра Невского / Подготовка текста, перевод и комм. В. И. Охотниковой. – М., 1981. – 156 с.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского / Обраб. и ред. Ю. Медведев. – М.: Эксмо, 2009. – 1020 с.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории. – М.: Академический проект, 2015. – Т. 1. Лекции I-XXIX: От древности до эпохи Ивана Грозного. – 485 с.
8. Козаченко А. И. Ледовое побоище. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938. – 56 с.
9. Паклар К. Э. Где произошло Ледовое побоище? // Исторические записки. – Т. 37. – М., 1951. – С. 304–316.
10. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Соцэкгиз, 1959-1966. – Т. 3.

11. Татищев В. Н. История Российская. В 7 т. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1962-1968. – Т. 3.
12. Шаскольский И. П. Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40-50-х годов XIII в. // Исторические записки. – 1953. – Т. 43. – С. 182–200.
13. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) / Пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 589 с.
14. Щербатов М. М. История российская от древнейших времен / Под ред. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. – Т. 1-7. – СПб: Изд. кн. Б. С. Щербатова, 1901-1904. – Т. 3.
15. Югов А. К. Ратоборцы. – Л.: Лениздат, 1983. – 560 с.
16. Ян В. Г. Юность полководца: повесть. – М.: Русское слово, 2007. – 182 с.
17. Янин В. Л. Новгородские посадники. – М.: Академический проспект, 2017. – 511 с.

АВДОНИН Ф. К., АРСЕНТЬЕВ В. М., КУЛЕБАКИНА О. М.
ФЕНОМЕН ГЕРОИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
НА ПРИМЕРЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Аннотация. В данной статье проанализировано понятие «герой» и произведен общий экскурс по героической истории России. Центральным аспектом является анализ Александра Невского как видного героического персонажа российской истории. Статья дает определенное понимание истории героизации образа Александра Невского на протяжении всей истории Российского государства, предпосылки и методы этого процесса.

Ключевые слова: герой, героизм, Александр Невский, героизация, Ледовое побоище, образ.

AVDONIN F. K., ARSENTYEV V. M., KULEBAKINA O. M.
THE PHENOMENON OF HEROISM IN RUSSIAN HISTORY:
A STUDY OF ALEXANDER NEVSKY

Abstract. In the article the concept of hero is analyzed and an overview on the heroic history of Russia is made. The central aspect is the analysis of Alexander Nevsky as a prominent heroic character in Russian history. The article gives a certain interpretation of the history of the glorification of the image of Alexander Nevsky throughout the history of the Russian state, the prerequisites and methods of this process.

Keywords: hero, heroism, Alexander Nevsky, heroization, Ice Battle, image.

История России знает немало примеров доблести, чести, настоящего героизма. Эти эпизоды красной нитью проходят через века со времен средневековья и до настоящего момента. Сказания о подвигах русских людей передаются от поколения к поколению, воспитывая в потомках гордость за свой народ и желание самому стать героем.

Но в следствие сложившейся в мире политической ситуации история отдельных государств, в том числе и России непрестанно пересматривается, политизируется. Это ведет к потере и переоценке эпизодов истории, связанных с героизмом. Но если учесть, что именно такие исторические примеры воспитывают молодых граждан нашей страны, то искаженная интерпретация этих страниц истории наиболее сильно сказывается на будущем государства.

Понятие «герой» в различных толковых словарях трактуется по-разному. Если обобщить все определения, можно прийти к следующему выводу: герой — это человек исключительной смелости и доблести [3, с. 95], который, рискуя жизнью, совершает смелые, необычные по своей храбрости поступки [1, с. 203], вызывающий удивление, восхищение и

желание подражать [2, с. 129]. Это определение достаточно разнопланово, как и само содержание героизма.

Есть возможность провести параллель и сравнить Западный и Российский героизм. Понятие героизма в Западной культуре напрямую происходит от древнегреческого понимания этого феномена с некоторыми включениями варварских элементов. Так, в греческом эпосе, герой – это преимущественно сын бога и смертной женщины, в котором сильно божественное начало. Он воспринимается как некий «сверхчеловек». Поэтому он способен на подвиги и является отличным воином. Примером тому могут служить Геракл и Ахилл. Русский же герой, как правило, от природы «сверхчеловеком» не является, это богатырь, обладающий недюжей силой, а кроме этого, большим умом и ловкостью. Но прежде всего герой остается обычным человеком. Русский богатырь – это не обязательно мужчина. Всем известно о подвигах былинных богатырш Василисы Микулишны и Настасьи Микулишны.

Можно выделить такой важный аспект героической истории России как «всесословность». Героем в России мог стать простой крестьянин: яркий пример – Илья Муромец – самый известный былинный богатырь. Крестьянином был и Иван Сусанин, который пожертвовал своей жизнью ради спасения царя. Особо известен тот факт, что М.В. Ломоносов, будучи выходцем из семьи зажиточных крестьян, смог достичь, казалось бы, невероятных успехов и стать действительно русским национальным героем.

Продолжая линию «всесословности» русского героизма, необходимо сказать, что героями были также купцы (Афанасий Никитин, Кузьма Минин), князья (Д. Пожарский) и цари (Александр III, державший крышу поезда, спасая семью), представители интеллигенции (врач Пирогов Н.И.).

Отдельно нужно сказать про героизм русского народа как единого целого. Здесь наиболее масштабным примером всенародного героизма считается ополчение, собранное под руководство Минина и Пожарского, освободившее Москву от польско-литовских интервентов. Даже бунтовщики в России становятся героями, если они отстаивают интересы народа: Алена Арзамасская, Емельян Пугачев, революционеры XIX-XX веков.

Как уже видно из вышесказанного, героизм в российской истории соотносится не только с ратными подвигами, о которых в первую очередь вспоминает человек при упоминании понятий «герой» и «героизм». Горчаков, будучи дипломатом, отстаивал интересы России, способствовал обеспечению ее безопасности со стороны Черного моря. Отдельно стоит сказать о героизме русских исследователей-путешественников (Дежнев, Хабаров, Крузенштерн, Беринг, Пржевальский и др.), внесших большой вклад в изучение природы и географии как России, так и мира.

Героизм – понятие, применимое для российского народа на всем историческом пути его развития: от древности до современности. XX век также полон подвигов и примеров настоящего героизма. Стоит вспомнить сотрудников Всесоюзного института растениеводства, сохранивших коллекции семян растений в условиях голода в блокадном Ленинграде, которые помогли восстановить сельское хозяйство страны после войны. Подвиг стратонавтов, которые в 1934 г. поднялись на рекордные для своего времени 22 километра над уровнем моря, увековечен памятником, расположенным на привокзальной площади в Саранске. Этот полет, закончившийся трагично, внес вклад в развитие авиа- и ракетостроения. Не малый вклад в развитие советской науки внесли также папанинцы. Группа исследователей под руководством Папанина изучала просторы Арктики на дрейфующей льдине, обслуживала метеосводками полет Чкалова через Северный полюс в Америку.

Теперь же стоит затронуть процесс героизации личности в российской истории. Для этого обратимся к образу Александра Невского, который в последние годы особенно популяризируется в широких массах в связи с 800-летним юбилеем со дня рождения князя и 780-летьем со дня Ледового побоища.

Героический образ Александра Ярославича (1220/1221–1263) зарождается вскоре после его смерти: в 80-е гг. XIII в. было написано житие князя, в котором была описана его деятельность и дана наиболее положительная оценка его поступкам. [4, с. 20].

История жизни Невского отражена в историографических трудах, включается в образовательные программы, которые преподаются в учебных заведениях, собирательный образ Невского отобразился в исторической живописи, поэзии, и художественном кинематографе.

В XVIII веке образ Александра Невского отделился от церкви. Этому способствовала сама историческая обстановка в этот период. Тенденции к секуляризации в этом веке были наиболее сильны, поэтому задачей государства стал поиск гражданской основы подвигов Невского. Императорской власти требовалось возрождение культурно-исторических связей с Европой. Но заменить духовенство в работе по организации особой миссии по просветительским и научным делам было довольно сложным делом. Эту задачу выполнили Гавриил Бужинский и Феофан Прокопович, поставив Александра Невского в ряд героев России с уже новой, гражданской точки зрения. Они составили проповеди, в которых отражен соответствующий той эпохе взгляд на героическую деятельность князя. [4, с. 143].

Александр Невский не случайно был избран Петром Первым как героя России. Уже Иван IV, начавший борьбу за господство на Балтике нападением на Ливонию (1558), в оправдание такой политики ссылался на своего предшественника. Подобно ему и Петр во времена Северной войны со Швецией обосновывал свои претензии на территории вокруг

Невы исторической границей между Новгородом и Швецией времен Александра Невского. При этом само по себе восстановление исторических границ едва ли было военной целью Петра. Князь же был определен и как покровитель нового города на Неве, где была основана Александро-Невская лавра [4, с. 131].

Наконец, святой образ именно этого князя широко почитается в Русской православной церкви. Это также один из важнейших механизмов сохранения и передачи его героического образа. При этом особенно важно проследить на основе научного анализа реальные взаимоотношения исторического князя с иерархами – представителями высшего духовенства, — некоторые из которых (например, митрополит Кирилл) стояли у истоков этого культа, приобретавшего со временем все более светские черты, и ставшего частью истории и духовного наследия нашей страны.

Несмотря на то, что в допетровский период образ Александра Невского воспринимался в культурной традиции, прежде всего, как образ святого, государство тем не менее во все времена прикладывало усилия к формированию исторической памяти о нем, поскольку сохранение Александра Невского как одной из самых заметных фигур российской истории было важно и для обоснования существования российской государственности.

Обращаясь уже к советскому периоду, прежде всего мы сталкиваемся с «отрицанием» духовного и политического опыта прежних национальных героев, к числу которых относится и Александр Невский. По существу, это был своего рода слом механизма наследования культурной традиции, означающий отказ от имперских ценностей. Эти выводы вытекают из таких источников как периодическая печать. Ее изучение приводит исследователей к выводу, что в 1930-х годах происходит трансформация образов российских героев. Этот процесс находит также отражение в массовой культуре.

Важнейшую роль в восстановление героического образа (частью которого была и «реабилитация» Александра Невского) сыграл кинофильм С. М. Эйзенштейна. К сожалению, историческая достоверность некоторых деталей фильма можно поставить под сомнение, но тем не менее фильм значительно повлиял на формирование образа князя и его места истории в сознании членов советского общества. на процесс создания фильма и, соответственно, образа князя оказали большое влияние критики, администрация, отвечающая за кинопроизводство, высшее руководство страны [4, с. 305].

Сформировавшийся в 1937-1939 гг. в рамках антифашистской пропаганды советский патриотический образ Александра Невского должен был поощрять военный менталитет советского народа и его готовность к обороне. После 1941 г. он был интегрирован в советскую военную пропаганду в практически неизменном виде [4, с. 282].

В период Великой Отечественной войны восприятие исторического опыта князя было обусловлено в первую очередь идеологическими установками, что было вполне оправдано в тяжелых условиях военного времени.

Важнейшей атрибутикой, которая обусловила героический образ Невского, создавшийся в рамках ВОВ, было воссоздание государственных наград. 29 июля 1942 года в СССР был учрежден орден Александра Невского как военный орден для награждения офицерского состава Красной Армии

Однако и в послевоенные годы интерес к личности Александра Ярославича не сходит на нет, что выразилось, в частности, в организации полевых экспедиционных выездов ученых на место Ледового побоища — наиболее известной и одновременно самой загадочной из битв, выигранных князем (Э. К. Паклар, М. Н. Тихомиров). Рассмотрение связанных с этими поисками сюжетов, позволяет не только внести новый вклад в историографию проблемы, но и дает возможность проследить причины организации наиболее крупного на сегодняшний день мероприятия по изучению места Ледовой битвы — экспедиции Г. Н. Караева, в работе которой принимали участие как профессионалы, так и большое количество добровольцев-волонтеров. Музей истории экспедиции по уточнению места Ледового побоища Г. Н. Караева был открыт 22 апреля 2012 года в деревне Самолва Псковской области, с 2015 года он работает как музей Ледового побоища.

Александр Невский прочно закрепил свой образ в российской истории, ему посвящены монеты, которые выпускаются в праздные даты, когда Александр Невский проявил свой героизм и создал российскую историческую память о своих подвигах, непосредственно своим существованием. Центральный банк России в память о нем выпустил 3-х рублевую монету, событие произошло 2 апреля 1992 года. Монета посвящена 750-летию Победы Александра Невского на Чудском озере.

28 декабря 1995 года Центральный банк выпустил 6 памятных монет, которые посвящены 1000-летию России – Александр Невский, две трехрублевые серебряные монеты, 50-рублевая золотая монета, 100-рублевая золотая монета и прочие.

Так же в 2008 году был создан проект «Имя России», направленный на выбор значимых персоналий, связанных с Россией, путем голосования интернет-пользователей, телезрителей и радиослушателей. Аналог проектов «100 величайших британцев» и «Великие украинцы».

Результаты проекта были достаточно положительны в сторону Невского, по первым подсчетам голосов Невский занял 3 место, впоследствии результаты были аннулированы. По итогам второго голосования, первое место в конкурсе занял Александр Ярославич, снова став на пьедестал героев.

История – наука, заключающая под собой непосредственное развитие многих временных событий, изменение принципов восприятия того или иного субъекта. Ярким примером этого служит изменение отношения к Александру Невскому на протяжении всей истории России: житие об Александре Ярославиче составлялось исключительно церковью, в основном на ее основе был создан мифический образ, который подразумевался как исключительно героический, не оформленный гражданской оберткой; в XVIII веке образ Александра Невского стал приобретать светские черты; и наконец XX век полностью разрушил все, и основательно подготовил новое восшествие Александра Невского на героическую арену России.

На многочисленных приведенных примерах можно увидеть, что героическая история России охватывает представителей разных сословий, разных временных эпох и находит свое проявление в совершенно разных областях жизни: от войны до медицины, от путешествий до науки. Она многогранна и является важным звеном в характеристике полной истории России.

Сейчас Россия переживает переходный период. Изжила себя социалистическая психология для народа, а новая пока не сформировалась. В такие периоды люди ищут на что опереться в своих взглядах на жизнь. Они обращаются к истории и ищут в ней людей, которые бы выражали их мировоззрение. Для многих таким человеком стал Невский. Прежде всего в поиске героев нуждается государство, как первопричина оформления многих вещей. Для России сейчас самое главное выход из исторического тупика, который продолжается на протяжении 30 лет, нахождение надежды в старых традициях и пережевывание всего на новый лад, единственный оплот для Российской действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка: около 7000 словар. ст.: Свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров / Гл. ред. Д. В. Дмитриев. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
4. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 589 с.

ДАВЫДОВА А. А., КОШИНА О. В.
СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию социального статуса учителей начальных школ России в конце XIX – начале XX века. Авторы анализируют материальное, бытовое положение педагогов начальной школы, их уровень жизни и социальное положение.

Ключевые слова: учителя, социальный статус, начальная школа, уровень жизни, материально-бытовое положение, пенсия, жалование.

DAVYDOVA A. A., KOSHINA O. V.
SOCIAL STATUS OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the social status of primary school teachers in Russia in the late XIX – early XX century. The authors analyze financial status, housing conditions of primary school teachers, their standard of living and social status.

Keywords: teachers, social status, primary school, standard of living, financial status, housing conditions, pension, salary.

Актуальность обозначенной темы вне времени. Образование являет собой один из системообразующих социальных институтов. Уровень жизни учителей во многом влияет на эффективность деятельности этого института и на качество социального взаимодействия в обществе.

Тема объемная в силу разнообразия условий жизни населения на огромной территории Российской империи, а также в силу разницы материального благополучия учителей разных типов начальных училищ. В настоящем исследовании представлен лишь небольшой срез данных о социальном статусе и об уровне жизни педагогов начальных училищ в конце XIX – начале XX века.

Источниками для раскрытия темы послужили архивные документы региональных архивохранилищ [1; 2; 12], опубликованная школьная статистика [8] и публикации в периодике изучаемого периода [7; 10], справочные педагогические издания [9].

Современная литература, при помощи которой анализировалась проблема, это монография Ю. Е. Железняковой о земской школе Казанской губернии [3], научный очерк О. П. Илюхи о повседневной жизни сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века [6], статья И. В. Сучкова о социальном статусе учительства на рубеже XIX –

XX вв. [11]. Для понимания проблемы были полезны статьи И. В. Зубкова [4] и Н. А. Ивановой [5] об обществах взаимопомощи учителей.

В конце XIX – начале XX в. учительство начальной школы составляло почти половину интеллигенции России. К концу 1915 г. насчитывалось свыше 157 тыс. народных учителей [9, с. 156]. Их часто называли «полуинтеллигентами», поскольку учителя начальной школы имели невысокий уровень образования и низкий социальный статус. Большинство учителей начальной школы были выходцами из крестьян, мещан и духовенства и имели начальное или среднее образование.

Обратимся к доходам учителей. В разных губерниях и даже в уездах одной губернии учителя получали разное жалование. Размер жалования зависел от ведомственной принадлежности школ: наибольшее вознаграждение получали в конце XIX в. педагоги министерских училищ (в среднем 360 руб. в год), размер жалования земских учителей составлял от 240 до 480 рублей в год, наименьшие зарплаты имели учителя церковно-приходских училищ (в среднем – 170 р. в год.). Жалование было неодинаковым даже в рамках одной школы у педагогов разных предметов. Например, законоучителя в конце 1880-х гг. получали за свои труды в среднем всего 60 руб., тогда как учителя-предметники в этот же период получали уже от 200 до 240 руб. в год [3, с. 111].

В Смоленской губернии в 1891 г. только 9 % учителей мужчин и 2 % учительниц получали 300 руб. в год; 25 % мужчин учителей зарабатывали 200–300 руб., 25 % женщин – 10 %; 30 % мужчин получали за свой труд от 150 до 200 руб., среди женщин 60 % педагогов получили такую сумму; от 100 до 150 руб. получали 18 % мужчин и женщин; 18 % мужчин по-прежнему получали менее 50 руб. [5, с. 146]. Согласно этим данным, учителя-мужчины получали в среднем больше, чем учительницы народных школ.

Некоторые земства с целью поддержки учителей платили дополнительно педагогам в опекаемых земствами школах так называемое «третнее жалование» (от слова «треть»): т.е. прибавку за треть года или третью часть жалования. В архивных документах встречаются упоминания об этом виде надбавки за труд учителя. Например, в 1886 г. в одном из начальных училищ Самарской губернии было «выплачено третнее не в зачет жалование (от 330 руб. – 110 руб.) из положенного по штату уездных училищ содержания» [12, л. 20].

В начале XX в. положение учителей начальных школ существенно не изменилось. Например, в 1904 г. почти половина учительского состава земских школ Казанской губернии (46,6 %) имели оклад от 240 до 299 руб. и чуть более четверти (26,7 %) – от 300 до 399 руб.; 3,4 % учителей получали заработную плату в сумме 400 руб. и выше. Остальные имели жалование размером менее 240 руб., 15,5 % – от 200 до 239 руб.; 7,8 % – от 180 до 199 руб. в год [3, с. 112].

По закону 3 мая 1908 г. минимальный размер жалования учителей был установлен в размере 360 руб. в год. Это способствовало некоторому улучшению материального положения учителей. У земств было право выплачивать педагогам надбавки за стаж. Например, Казанское земство выдавало некоторым преподавателям надбавки за особые успехи от 15 до 35 руб. в год [3, с. 111]. Из документа Государственного архива Пензенской области: «Учителю приходского училища назначено пособие за постоянную усердную службу 30 руб. серебром из экономической суммы приходского училища» [1, л. 5].

По сведениям О. П. Илюхи, в 1913 г. были официально утверждены пятилетние прибавки, которые некоторые земства практиковали с конца XIX в. с целью сохранения учительских кадров. Позже, в условиях Первой мировой войны, вводились военные прибавки в размере 120 руб. в год. Дополнительно стали оплачиваться уроки пения, ремесла, сельскохозяйственные занятия с учениками [6, с. 24].

По уровню зарплаты учителя отставали от многих представителей провинциальной интеллигенции. В 1908 г. в Повенецком уезде Олонецкой губернии учитель получал 300–400 руб. в год, тогда как жалование земского врача составляло 2000–2200 руб.; провизора – 1200, его помощника – 800, дантиста – 800 руб. в год. Труд учителей оплачивался на селе также, как труд фельдшеров, повивальных бабок, ветеринарных врачей [6, с. 25].

С учетом цен на самые необходимые товары в начале XX в., суммы учительских зарплат были более, чем скромными. Даже одинокий молодой учитель, с небольшим стажем, без дополнительных источников дохода мог с трудом прожить на свою зарплату. Семейным учителям с детьми учительского вознаграждения было совершенно недостаточно. Бывали случаи, что в семье из 7 человек работал один отец – был народным учителем. Дневной рацион в таких семьях состоял из картошки и хлеба, мясо и молоко они могли позволить себе лишь несколько раз в год. Продукты часто брали в долг.

О тяжелом материальном положении семейных преподавателей писали Пензенские губернские ведомости в 1900 г.: «Скудного вознаграждения, которое получает учитель за свой тяжелый труд, бывает часто едва достаточно для самого бедного существования семьи. Образование же детей и необходимое содержание их в городе, при дороговизне городской жизни, представляется для огромного большинства учителей делом невозможным, и поэтому их дети, лишенные надлежащей подготовки к трудовой жизни, обречены большей частью на жалкое существование» [10, с. 55].

В 1911 г. средний годовой оклад у городских народных учителей поднялся до 528 руб., в селах – до 343 руб. Нередко и такое мизерное жалование не выплачивали вовремя, задерживали на 2–3 месяца [11, с. 64]. Многие учителя начальных школ в России вынуждены были искать дополнительные источники к существованию. Как минимум треть учителей

занималась огородничеством, садоводством, пчеловодством, ремеслами или рукоделием. Как и многие крестьяне, школьные педагоги занимались сбором грибов и ягод, охотой и рыболовством.

Низкий размер жалования приводил к тому, что среди учителей наблюдалась высокая текучесть кадров, более половины преподавателей работало на одном месте менее 10 лет [11, с. 65]. Педагог часто менял место работы, пытаясь найти должность с более высоким содержанием. Учителя, работавшие в церковно-приходских школах, стремились устроиться в земскую школу, где жалование было выше. Однако их образовательный уровень был, как правило, недостаточен для земской школы, и прошения оставались неудовлетворенными [3, с. 103-105].

Увольнения учителей из-за профессиональной непригодности по инициативе дирекции тоже случались, но считались мерой слишком жесткой, и потому применялись редко. В таких случаях использовался перевод из одного училища в другое, менее многочисленное и с меньшим окладом жалования. Перевод учителей на более высокооплачиваемые места, в свою очередь, практиковался как поощрительная мера по отношению к «способным» учителям.

Уровень жизни учителей зависел, без сомнения, от наличия у них собственного жилья. По данным «Однодневной переписи начальных школ Российской империи», в 1911 г. 63,6 % учителей жили в квартирах при училище; 15,8 % – на стороне, но получали квартирные деньги; 20,6 % жили на стороне и квартирных денег не получали [8, с. 2]. Учителя министерских школ, по сравнению с земскими, были лучше обеспечены жильем. Жилищные условия церковно-приходских учителей в среднем были хуже, чем в земских школах.

Как правило, учитель был приезжим и не имел дома или квартиры в той местности, где преподавал. Чаще всего учителя снимали угол в крестьянских избах. Если у школы было свое здание, то учителя могли поселить в помещении школы: в отдельной комнате, а нередко и в классе, за перегородкой; реже – во флигеле на территории школы. Учитель, проживающий в помещении школы, мог пользоваться услугами школьной прислуги, приплачивая ей из своих средств. Главными недостатками учительских квартир были холод, сырость, теснота, отсутствие хозяйственных приспособлений. На одного учителя в конце XIX в. приходилось в среднем 1,5 комнаты общей площадью 54,5 кв. аршин (около 27 кв. м) [8, с. 3].

Преимущество проживания в школе заключалось в том, что не нужно было платить за жилье, в отличие от тех, кто снимал квартиру. На это уходила порядочная часть жалования. С 1880-х гг. земства стали выделять учителям средства на наем жилья. В начале XX в. предусматривались специальные выплаты учителям за квартиру, стол, отопление и

освещение. Следует отметить, что, прекращая учительскую деятельность, педагог лишался служебного жилья [3, с. 107].

Низкая социальная защищенность учителей создавала необходимость образования общественных организаций, помогающих учителям. В конце XIX в. появились первые общества взаимопомощи учителей («общества взаимного вспомоществования учащим и учившим»). Эти объединения были одними из наиболее массовых общественных организаций в Российской империи того времени. Они занимались не только материальной помощью педагогам и ученикам, но и социальной интеграцией учителей. Народные учителя чаще всего были единственными представителями интеллигенции в селах, где они работали, поэтому остро нуждались в общении с коллегами, в профессиональной литературе, обмене опытом и повышении квалификации [4, с. 47].

В состав обществ входили 3 категории членов: учителя, которые нуждаются в помощи (действительные члены); люди других профессий, которые имели те же права, что и действительные члены, кроме материальной помощи (члены-соревнователи); люди, оказывающие услуги остальным членам общества («сочувствующие целям общества»). Число обществ взаимопомощи к 1902 г. достигло 80 [4, с. 48].

Следует отметить, что учителя не всегда охотно вступали в общества взаимопомощи. Причин было несколько: разобщенность учителей начальных школ (не все из них знали о существовании таких обществ, кто-то не верил в их «спасительный» характер); не каждый учитель был готов заплатить членский взнос, пусть даже чисто символический; отдаленность обществ от многих населенных пунктов, невозможность посещать все собрания и встречи [5, с. 147].

В 1902-1903 гг. в Москве прошел «Первый Всероссийский съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания». На нем присутствовали представители 68 обществ (из 80 существовавших), множество деятелей земств, народного образования и предводителей дворянства. Обсуждались и материальные положения учителей, и обмен опытом, и повышение квалификации. Второй съезд прошел через 11 лет в Петербурге [9, с. 546].

Новым явлением социально-экономической жизни России в конце XIX – начале XX в. стало создание пенсионных касс. Этот элемент социальной защиты появился и в системе образования. В 1897 г. Директор училищ Симбирской губернии доложил в Симбирский Губернский училищный совет: «Государственный Совет, рассмотрев представление Министерства народного просвещения о предоставлении училищам приходских училищ прав на получение пенсий и единовременных пособий из особого пенсионного капитала, положил: учительницы пользуются равными с учителями правами на пенсию из состоящего в

распоряжении МНП пенсионного капитала (ст. 408 устава пенсионного Свода Законов, т. III, издания 1876 г.). Из получаемого ими жалования производится установленный вычет в означенный капитал» [2, л. 5-6].

В 1910 г. законодательно были установлены пенсии 1 июня 1910 г. вышел закон о пенсиях по возрасту (требовалось отработать в школе 25 лет) и инвалидности учителям и учительницам народных школ. С 1 сентября 1910 г. начался перевод участников земских пенсионных касс в министерскую. Вычеты в пенсионную кассу составляли 6 % от жалования педагога. Через 25 лет службы у учителей появлялось право на получение скромной пенсии (от 48 до 60 руб. в год) [3, с. 116].

В начале XX в. социальный статус учительства народных школ состоял из следующих элементов: учитель после определенного срока службы становился государственным служащим; мог состоять в чине XIV класса (после 12 лет службы); получить звание «почетного гражданина» (после 14 лет службы); носил мундир; был освобожден от воинской повинности (в мирное время); от исполнения обязанностей присяжного заседателя; получал пенсию [7, с. 44].

На учителей и на законоучителей распространялись правила о наградах. Приведем факты из архивных документов. В 1893 г. Ардатовский училищный совет направил запрос в Симбирский губернский училищный совет о представлении к наградам учителей за «отлично-усердное исполнение обязанностей»: законоучителя (25 лет службы) – к Орденом Святой Анны III степени; законоучителя (10 лет службы) – камилавкою; учителя (14 лет службы) – медалью «за усердие» на Александровской ленте; учителя (24 года службы) – к серебряной медали. Алатырский училищный совет также представил своих кандидатов на награды: несколько учителей (25 лет службы, 20 лет, 18 лет, 14 лет) – к званию «почетного гражданина»; учителя (13 лет службы) – на чин XIV класса; учителя (21 год службы) – золотой медалью на Станиславской ленте для ношения на шее; учителя (12 лет службы) – серебряной медалью на Александровской ленте на груди [2, л. 49-54].

Таким образом, учительство начальных школ в конце XIX – начале XX в. было неоднородным: материальное благополучие и социальное положение педагога зависело от места работы, ведомственной принадлежности училища, преподаваемого предмета, стажа и даже пола. Народное учительство медленно повышало свой социальный статус. Привлекательным этот статус (учителя, освобожденного от личных повинностей, получавшего «рубль в день», а по старости – пенсию), выглядел только с точки зрения крестьянина-бедняка.

Из категории «полуинтеллигенции» с низким жалованием, недостатком жилья и социальных льгот учителя постепенно превращались в государственных служащих низшего

ранга, которые получали скромную зарплату, компенсации за ведомственное жилье, награды, небольшую пенсию, освобождались от воинской повинности. Помимо усилий государства и земств, в улучшении социального положения педагогов начальной школы сказывались и старания самих учителей к самоорганизации и взаимопомощи, что показано на примере обществ взаимопомощи учителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 81. О. 1. Д. 656.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 768. Оп. 1. Д. 32.
3. Железнякова Ю. Е. Земская школа Казанской губернии. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т., 2005. – 204 с.
4. Зубков И. В. Общества взаимопомощи учителей в Российской империи (1890-1910-е годы) // Российская история. – 2011. – № 2. – С. 45–59.
5. Иванова Н. А. Смоленское «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим» // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 144–149.
6. Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – 145 с.
7. Капралов Н. Материальное положение учителя // Для народного учителя. – 1915. – № 8. – С. 42–55.
8. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Диаграммы и картограммы к итогам по Империи / Ред. В. И. Покровского. – Петроград: Художественно-графическое ателье и печатня, 1918. – 21 с.
9. Педагогическая энциклопедия / Глав. ред. И. А. Каиров и Ф. Н. Петров. – Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 912 с.
10. Пензенские губернские ведомости. – 1900. – № 23-25.
11. Сучков И. В. Социальный статус и духовный облик учительства в России на рубеже XIX – XX вв. // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–67.
12. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 360. Оп. 37. Д. 6.

ПОРФИРЬЕВА А. А., СКВОРЦОВА Л. Г.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ МОРДОВСКОЙ АССР В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)

Аннотация. В статье проанализирована работа культурно-просветительных учреждений Мордовской АССР в условиях военного времени. На примере домов культуры, библиотек, учреждений радиовещания, кинофикации показано состояние материально-технической базы, рассмотрена организация массово-политической, агитационной, культурной работы.

Ключевые слова: культурно-просветительные учреждения, материально-техническая база, дома культуры, библиотеки, художественная самодеятельность, радиовещание, кинофикация.

PORFIREVA A. A., SKVORTSOVA L. G.
THE WORK OF CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF MORDOVIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Abstract. The article analyzes the work of cultural and educational institutions of the Mordovia ASSR under the wartime conditions. Considering the community centers, libraries, radio broadcasting and cinematography, the facilities and resources of cultural institutions are described. The organization of political events, propaganda, and cultural work is studied.

Keywords: cultural and educational institutions, facilities and resources, community centers, libraries, amateur performances, radio broadcasting, cinematography.

Начало Великой Отечественной войны стало тяжелым испытанием для нашей огромной страны. Война изменила привычный уклад людей и размеренное течение дел. Все отрасли народного хозяйства перестраивались на удовлетворение нужд фронта, поддержание боевого духа солдат и офицеров Красной Армии. Одновременно с этим необходимо было проводить активную агитационную, разъяснительную и патриотическую работу с гражданским населением. Основная роль в решении данной задачи отводилась культурно-просветительным учреждениям, музеям, клубам, библиотекам и т.д.

Цель данного исследования заключается в изучении деятельности культурно-просветительных учреждений в годы войны, определении их роли в воспитании чувства патриотизма, гражданственности, любви к своей Родине, сохранении исторической памяти, культурного наследия, как в рамках всей страны, так и на примере отдельного региона. Актуальность данной темы подтверждается сегодня и тем, что 2022 год объявлен Президентом

Российской Федерации В. В. Путиным Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

Сегодня мы видим, насколько сложна и неустойчива политическая ситуация в мире, как открыто проявляются пророссийские и русофобские настроения, как переписывается на глазах у молодого поколения история и предаются искажению исторические факты. В связи с этим, изучение данного вопроса не вызывает сомнения и подчеркивает важную роль учреждений культуры в организации оборонной работы и военно-патриотического воспитания советских граждан и молодежи в годы войны.

Война для советских людей началась рано утром 22 июня 1941 года и в кратчайшие сроки подчинила всю жизнь многомиллионного государства борьбе с жестоким врагом. 29 июля 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР обратились к партийным, советским организациям со специальным директивным письмом, в котором была намечена развернутая программа мобилизации сил страны на борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Между тем, культурно-просветительным учреждениям предписывалась деятельность по агитационной работе. В сентябре 1941 года Наркомпрос РСФСР издал приказ «О работе политико-просветительных учреждений в военное время», положивший начало перестройке культурно-просветительной деятельности [4, с. 9]. Предполагалось, что подобные учреждения должны были пропагандировать патриотизм, говорить о значимости героических традиций русского и других народов страны.

В Мордовской АССР на начало войны культурно-просветительская работа проводилась в 90 профсоюзных и районных домах культуры, 112 библиотеках, 165 сельских клубах, 488 избах-читальнях. В ноябре 1941 года в Мордовской АССР состоялся X Пленум Мордовского обкома ВКП(б), на котором обсуждались вопросы усиления организаторской и политической работы среди населения республики в связи с нападением фашистской Германии на СССР. В принятом на Пленуме решении указывалось на необходимость кардинального изменения работы домов культуры, изб-читален, превратив их в агитационные пункты с организацией при них систематического чтения лекций, докладов, консультаций по вопросам войны [2, с. 31].

В начале войны по указанию ЦК ВКП(б) агитпункты организовывались на крупных железнодорожных станциях, что способствовало достаточно плодотворной массово-политической работе, как среди проходящих военных частей, так и среди гражданского населения. Работники культуры шли на призывные пункты, в пункты всеобуча, агитпункты, военные части, госпитали. Здесь они проводили беседы, читали газеты, книги, выпускали стенгазеты, боевые листки, плакаты и т.д.

К началу войны материально-техническая база культурно-просветительных учреждений страны была в большей степени разработана и расширена. Однако она не могла удовлетворить и обеспечить возросшие духовные потребности граждан. Более тысячи населенных пунктов не имели культурных организаций, а многие клубные и библиотечные учреждения работали неудовлетворительно. Множество культурно-просветительных помещений использовались не по назначению: на хозяйственные нужды, под зернохранилища, колхозы. Так, например, в республике за первые месяцы войны перестали функционировать 28 изб-читален и сельских клубов, а к концу ноября 1941 – 1942 годов из-за дефицита топлива, отсутствия необходимых кадров и средств для их функционирования не работали культурные учреждения в Атяшевском, Большеигнатовском, Рыбкинском, Ичалковском, Ромодановском и других районах республики. 44 из них прекратили собственную деятельность в связи с мобилизацией персонала [3, с. 77; 9, с. 359].

Далеко не лучшим образом дело обстояло с кинофикацией населенных пунктов. В 1940 году в Мордовии работало 113 киноустановок: 48 стационарных, 65 передвижных. 98 киноустановок находились в сельской местности. В системе управления кинофикации Мордовии действовало 26 стационарных звуковых киноустановок, 14 звуковых и 28 кинопередвижек для немого кино и одна узкоплечная стационарная киноустановка [7, с. 46]. В период 1940 – 1941 годы реальной задачей работников культурно-просветительской деятельности было должное обеспечение каждого района передвижными установками (не менее двух для обслуживания сельских населенных пунктов), необходимо было кинофицировать районные центры стационарной киноаппаратурой, заменить немые кинопередвижки звуковыми. В связи с началом Великой Отечественной войны большую часть киноустановок отправили на фронт. Кинофикация в республике была фактически приостановлена, а число киноустановок к концу войны сократилось до 45. Однако, несмотря на чрезвычайно трудные условия военного времени, лучшие фильмы советского кино проникали и в глубинные районы. Большой популярностью пользовались фильмы «Александр Пархоменко», «В шесть часов вечера после войны», «Как закалялась сталь», «Малахов курган», «Зоя», «Александр Матросов» и др. [3, с. 82].

Важнейшее место в подъеме патриотического настроения занимало радиовещание. Уменьшение количества издаваемых газет, сокращение их тиражей в первый период Великой Отечественной войны, сделало радио важнейшим средством массовой информации. Несмотря на достаточно сложное материальное положение, правительство находило средства, чтобы радиофикация страны не только не приостанавливалась, но по возможности расширяла сферу своего влияния на широкие массы населения. Перестроило свою работу и мордовское радиовещание [8, с. 76]. Смысл принятых мер заключался в том, чтобы, используя

возможности радио, сделать его самым оперативным, массовым и действенным средством информации, пропаганды и агитации. Радио было необходимо для передачи в сельские Советы и колхозы газетных статей, сводок Совинформбюро. Передачи республиканского радио велись на русском, мокшанском и эрзянском языках. В них освещались вопросы работы промышленности, транспорта, сельского хозяйства, регулярно рассказывалось о ходе оборонной работы и создании оборонного фонда страны, сборе теплых вещей для фронтовиков и т.д. Из радиопередач горожане и сельчане узнавали о мужестве, массовом героизме людей на фронте и в тылу.

Характерная черта деятельности культурно-просветительных учреждений в военное время – повышение их роли в политической агитации. Несмотря на тяжелое военное положение, партийное руководство страны достаточно серьезно и основательно прорабатывало вопросы организации массово-политической и агитационной работы. К концу января 1942 года в Мордовии имелось более 700 агитационных коллективов, насчитывающих свыше 6 тысяч агитаторов. К лету 1942 года были открыты 3 районных дома культуры. На местах принимались меры к активизации деятельности культурных учреждений [3, с. 78]. Это способствовало расширению деятельности культурно-просветительных учреждений, при которых состояли агитационные коллективы. В 1943 году на базе культурно-просветительных учреждений республики, в целях укрепления агитколлективов и расширения агитационной работы среди населения, были созданы группы докладчиков с тремя секциями – русский, мокша-мордовский, эрзя-мордовский [3, с. 79].

В 1942 году, руководствуясь указаниями ЦК партии о перестройке текущей работы в соответствии с условиями военного времени, Управление по делам искусства при СНК Мордовской АССР активизировало культурно-просветительскую деятельность среди населения республики, частей РККА и госпиталей. Клубы, библиотеки, музеи, театры и деятели культуры брали культурное шефство над госпиталями. Только в период с января по сентябрь 1942 г. в девяти госпиталях республики для раненых были прочитаны 474 лекции и доклада, проведены более 10 000 групповых бесед, показаны 1 282 кинокартины, дан 341 концерт. Большая работа проводилась библиотечными работниками среди раненых солдат в госпиталях: подбиралась соответствующая для них литература, проводились читки газет, приносились книги по заявкам. Особым интересом у раненых солдат пользовалась литература на военно-патриотическую тему.

23 апреля 1943 года СНК СССР принял постановление о выделении книг в Госфонд литературы [1, с. 610]. Эта литература предназначалась для отправки в освобожденные районы страны. Активно участвовали в сборе книг все библиотеки республики. На 9 июня 1943 года в Мордовии было собрано более 150 тысяч экземпляров книг. Наиболее активными

участниками сбора книг были: массовые библиотеки – 5409 книг, научные библиотеки – 360, население республики – 3 694 книг [3, с. 83]. За период действия Госфонда с помощью Мордовской республиканской библиотеки было скомплектовано и отправлено в освобожденные от фашистов 14 районных, две городские и десять школьных библиотек. Таким образом, книги из Мордовии были высланы в Ставропольский край, Тульскую, Орловскую, Великолукскую, Ворошиловградскую, Гомельскую и Грозненские области [2, с. 610].

Значительно активизировалась деятельность культурно-просветительных учреждений в Мордовии со второй половины 1943 года. К концу 1943 года в республике действовало 605 изб-читален и клубов. По решению ЦК ВЛКСМ, Управления по делам искусств при СНК РСФСР и Наркомпроса РСФСР с 25 октября 1943 года по 1 февраля 1944 года в республике был проведен смотр художественной самодеятельности в сельских местностях и районных центрах. По окончании районных смотров, лучшие коллективы выступили в городе Саранске на республиканском конкурсе [5, с. 10].

Клубные учреждения, действующие во время войны в республике, наряду с осуществлением широкой пропагандистской и агитационной работы, выступали в роли непосредственных организаторов массовой и художественной самодеятельности. Причем, художественная самодеятельность перемещалась из стен домов культуры, клубов, изб-читален, в цеха заводов и фабрик, в военные госпитали и т.д. В период уборки урожая 1942 года работниками культурно-просветительных учреждений было дано 249 концертов в 209 колхозах, на которых присутствовало 49 тысяч зрителей. Во время весенне-полевой компании 1944 года агитбригадами и кружками художественной самодеятельности было дано свыше 1 020 концертов, прочитано для тружеников сельского хозяйства около 5,5 тысяч лекций и докладов, проведено почти 22 тысячи громких читок и т.д. [3, с. 79].

В марте 1945 года решением СНК Мордовской АССР в городе Саранске открывается республиканский Дом народного творчества, сыгравший важную роль в оказании практической и методической помощи в организации художественного творчества, изучении опыта работы в этом направлении [1, с. 618].

Новый подъем культурно-просветительной работы в республике, как и в стране в целом, происходит в 1944 – 1945 годы. Это было связано с наступательными операциями Красной Армии и победоносным завершением Великой Отечественной войны. В указанный период принимались меры по созданию условий для укрепления материальной базы культурно-просветительной работы, возвращения учреждениям культуры помещений, занимаемых под военные нужды. Активно проводилась работа по восстановлению сети клубов, библиотек, изб-читален. Постепенно с 1944 по 1945 годы улучшалось состояние и

финансирование учреждений культуры. Со второй половины 1944 года работникам клубов, изб-читален стали выдавать заработную плату без задержек, с 1945 года возобновились закупки нового инвентаря и оборудования.

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры в республике за годы войны, многие учреждения культуры перестали функционировать, а довоенный уровень данных учреждений был восстановлен только к 1953 году. Так, например, к началу 1945 года в сельской местности республики осталось работоспособными 95 сельских библиотек с книжным фондом 267 тысяч экземпляров. В среднем на одну библиотеку на селе приходилось около 3 тысяч, а на каждого жителя – около трех книг [3, с. 81].

В суровые годы Великой Отечественной войны культурно-просветительные учреждения были прочной опорой руководящих партийных органов республики в проведении разносторонней идеологической, военно-патриотической и хозяйственной работы, организаторами самой разнообразной агитационной, познавательно-просветительской деятельности среди населения Мордовии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Все о Мордовии. Энциклопедический справочник. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1998. – 720 с.
2. Говорит и показывает Саранск. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1980. – 142 с.
3. Житаев В. Л., Осьмухина О. Ю. Культурно-просветительская деятельность в Мордовии (конец XIX – 80-е гг. XX вв.): учеб. пособие. – Саранск, 2003. – 50 с.
4. Житаев В. Л. Культурно-просветительская деятельность в мордовском крае: история и современность. – Саранск, 2015. – 109 с.
5. Житаев В. Л., Седина И. В. Культурное строительство на селе Мордовии: 1945-1995 гг. – Саранск: Рузаевский печатник, 2006. – 140 с.
6. Ильин Г. В. Культурно-просветительная работа в СССР накануне Великой Отечественной войны. – М.: МГИК, 1985. – 51 с.
7. Исследования по истории Мордовской АССР. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1972. – 242 с.
8. Мордовской АССР 50 лет. Юбилейный статистический сборник. – Саранск: Издательство ЦСУ РСФСР, 1979. – 135 с.
9. Скворцова Л. Г., Шичкина М. А. Деятельность библиотек в Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Материалы XXI научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального

исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. –
Часть 3. Гуманитарные науки. – Саранск, 2017. – С. 358–362.

ГРИГОРЬКИН В. А., БАЛАКИРЕВ Н. В.

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ПОХОД ИВАНА ЧЕРЕМИСИНОВА В 1560 ГОДУ

Аннотация. В данной статье рассматривается история одного из первых организованных военных походов России на Кавказ, происходивших во времена правления Ивана Грозного. В этой связи исследуется биография и роль Ивана Семеновича Черемисинова как одного из его участников и основных действующих лиц.

Ключевые слова: Кавказ, Дагестан, поход, Иван Черемисин, шамхал, Тарки, Иван Грозный.

GRIGORKIN V. A., BALAKIREV N. V.

THE NORTH CAUCASIAN MILITARY CAMPAIGN OF IVAN CHEREMISINOV IN 1560

Abstract. This article considers the history of a first organized military campaign of Russia to the Caucasus which took place during the reign of Ivan the Terrible. The biography and role of Ivan Semenovich Cheremisinov as one of its participants and main characters is studied.

Keywords: Caucasus, Dagestan, military campaign, Ivan Cheremisinov, shamkhal, Tarki, Ivan the Terrible.

Отношения Российского государства и Кавказа имеет давнюю многовековую историю. В XIX веке кавказские земли были полностью присоединены к России в результате Кавказской войны, которая продолжалась почти 50 лет. Тем не менее, в истории содержатся сведения и о более ранних попытках проникновения туда русского влияния. Так еще во второй половине XVI века при царствовании Ивана IV Грозного был организован поход на Северный Кавказ, в район территорий современного Дагестана.

Первый поход был организован в 1560 году под предводительством русского воеводы Ивана Семеновича Черемисинова. О его происхождении не сохранилось большого количества информации. Скорее всего, появился на свет «не позднее самого начала 20-х годов XVI века» [5, с. 115]. Он родился в семье Семена Васильева Сына Черемисинова и его жены Елены, предположительно, в селе Петрово Городище, которое было расположено на территории Суздальского уезда.

По древним преданиям, род Черемисиновых происходил из выходцев Золотой орды. Один из предков Черемисинова – Федор Черемисин был убит в битве под Белевом в 1437 году. В так называемой «Бархатной книге» (родословная книга боярских и дворянских фамилий) есть свидетельства и еще об одном родственнике – Семене Черемисине, который,

возможно, приходился ему родным братом. Изначально вотчины рода Черемисиных находились в Костромском уезде, однако в дальнейшем, по мере дробления вотчин, люди этой фамилии выбрались за территории уезда и переселялись в другие земли [5, с. 114].

Иван Семенович, на момент середины XVI века, владел землями в Суздальском уезде. По данным «Тысячной книги» он был записан как один из детей боярских [6, с. 64]. В 1550 году Иван Черемисинов стал одним из первых стрелецких командиров. Видимо, он пользовался у царя Ивана IV большим доверием, так как ему поручались весьма ответственные миссии. Как командир стрелецкого приказа принимал участие во взятии Казани в 1552 году, а в 1556 году участвовал в походах по завоеванию Астрахани. После захвата города, он деятельно его укрепляет и наводит порядок в окрестных землях. Помимо этого, к Ивану прибыли посланцы от горских князей, «ис Шамахеи, ис Шевка и с Тюмени» с предложениями установить мирные отношения и торговлю, и, как рапортовал воевода царю, к тем князьям он, Иван, со своим товарищем отправил де «служивых татар по государеву царя и великого князя наказу». Иван IV, заинтересованный в том, чтобы как можно быстрее и прочнее закрепить низовья Волги за Москвой, одобрил действия воевод, заявив о своем желании «астараканских черных людей» «жаловати и беречи». В тот же год происходит установление первых дипломатических связей между Шамхальством Тарки и Русским царством (шамхал – это древнейший титул кумыкских правителей Северного Кавказа начиная с VIII века н.э.).

Примерно два года пробыл Иван Черемисинов в Астрахани, укрепляя новозавоеванные территории ровно до того момента, когда ему на замену пришел Иван Выродков, также один из героев взятия Казани. Отправка из Астрахани отчасти была связана с его непростыми отношениями с бием Ногайской Орды Исмаилом, который являлся союзником Ивана Грозного. Ивану Черемисинову были отданы определенные указания в помощи Исмаилу своей ратью. Однако астраханские ставленники Ивана Грозного вели себя достаточно жестко по отношению к ногайцам. Поэтому осенью 1557 года бий просит русского царя убрать с поста Черемисинова и прислать другого наместника [5, с. 137-138]. Не желая портить отношения с Исмаилом, чье войско требовалось для участия в грядущем наступлении на Крымское ханство, Иван Грозный отсылает Ивана Черемисинова из Астрахани. В 1559 году он принимает участие в походе на Кавказ магната Дмитрия Вишневецкого, который тогда состоял на службе у царя.

В 1557 году кабардинское посольство князя Темрюка обращается с просьбой к правительству Ивана Грозного о защите от нашествий шамхала Тарковского, с которым у князя была явная вражда [3, с. 238]. В 1558 году эта же просьба была повторена, но уже

сыновьями Темрюка. Кабардинцы являлись союзниками Русского государства, поэтому царь удовлетворяет их просьбу и в феврале 1560 года направляет Ивана Черемисинова на Кавказ. Согласно Лебедевской летописи: «Отпустил царь и государь на великий князь по челобитию Кабардинских князей и по неправдам Шевкалавымъ воеводу Ивана Семеновича Черемисинова с товарищами на Шевкал и на Тюмень...» [4, с. 284].

Летом 1560 года отряд Ивана Черемисинова прибывает в Астрахань и начинают нанимать в свои ряды «астороханских людей». Далее войско погружается на корабли (скорее всего на стругах) и спускается вдоль западного побережья Каспийского моря к югу в город Тарки (или Таркомъ, согласно Лебедевской летописи). Этот путь занял у Черемисинова около шести дней [5, с. 139].

После прибытия он, вместе со своей армией, высадился близ города в двух верстах и, вероятно, самолично возглавил этот поход. Войско неприятеля уже всюду поджидало русское войско в укреплениях города. О внешнем виде Тарков можно судить по описанию, сделанному в самом начале XVII в. Согласно этому описанию, Тарки «изстари бывал город каменной, стоит на горе; а та гора поотшла от болших гор к морю гребнем, и по ней лес большой, а вверх ее сажен с 30, и ныне на той горе на само верху стоит башня каменная и с тое башни мочно очищать из наряду до моря и на все стороны. А с одну сторону у той горы от моря залом каменной, самородной, а под заломом внизу от верху сажен з 20 и болши стоит на той же горе двор шевкалов, полаты каменные и избы. Да туто ж с одново края позади шевкалова дворя башня другая каменная да городище старое. З дву сторон горы стена была каменная... А ниже шевкалова двора на самом низу мечет каменная». Сам же город был небольшой – в начале XVII в. около 300 дворов.

Из этого описания следует, что Тарки вовсе не были такой уж сильной крепостью, подобной той же Казани, и, находясь в достаточно труднодоступном, укрепленном самой природой месте, могла служить более или менее надежной защитой только против горцев, не имевших в достаточном количестве огнестрельного оружия и тем более «наряда». Противостоять же русским стрельцам и казакам, бравшим и не такие крепости, Тарки не могли. Понимал это и шамхал, поэтому, по словам летописца, «шалкаской князь с царя и великого князя людьми бился половину дня и побегал от них в горы, а город Тарки покинул»

После встречи войска Черемисинова и армии тарковского шамхала началась битва, исходом которой стал полное уничтожение войска противника. Шамхальское войско бежало в горы, бросив на растерзание собственную столицу. Иван Черемисин выжег и разграбил Тарки, а также захватил множество людей в плен. Тем не менее, он не стал задерживаться надолго в этом городе и вскоре «отшел со всеми людьми здорово» [4, с. 289].

Скоротечность и успешное завершение похода было отчасти связано с тем, что особо укрепленной крепостью Тарки не являлся, как например та же Казань. Хотя крепость и находилась в труднодоступном месте в горах, ее естественные укрепления могли противостоять разве что таким же горцам, которые не имели при себе передовое огнестрельное оружие. Противопоставить что-то русскому войску, которое «до зубов» было вооружено ружьями и пушками, им было практически невозможно.

В целом, если рассматривать имеющиеся данные, то поход Ивана Черемисинова с первого взгляда напоминает типичный усмирительно-грабительский набег против «неугодного» русскому царю и его союзникам правителя Тарки, закончившийся с достаточно очевидным итогом. Тем не менее, вмешательство в дела Шамхальства имело определенное политическое значение. Еще во времена ирано-турецкой войны тарковский шамхал придерживался крымско-турецкой ориентации. Такой выбор был обусловлен, скорее всего, религиозными предпочтениями. Турки такие же сунниты, как и кумыки, в отличие от иранцев-шиитов. [5, с. 99]. Понятно, что турецкий султан и крымский хан стремились активно продвигать в первую очередь свои интересы на Северном Кавказе, постепенно превращая ее в свою сферу влияния [4, с. 238]. России было это крайне невыгодно, так как контроль Турцией Шамхальства мог разрушить издавна устоявшуюся торговлю в этом регионе, в частности с Ираном (торговля шелком). Также для Российского государства влияние на Северном Кавказе имело и стратегическое значение, именно там проходят важные пути в Азию. Следовательно, доминирование в этом регионе играло решающую роль в утверждении гегемонии над всем Восточным Кавказом [1, с. 98].

После похода 1560 года русское влияние на Кавказе увеличивается. В 1567 году было основано военное поселение в устье Сунжи (приток Терека) – Терский город [3, с. 239]. Он стал одним из основных оплотов экспансии Русского царства на Северном Кавказе. Удачное местоположение города делало его важным военно-стратегическим пунктом на юге страны. Помимо возведения военной инфраструктуры, определенные результаты были и в дипломатической среде. После войны политика шамхала Тарки изменилась, отношения с Россией претерпели некоторое кратковременное «потепление». В том же 1567 году в Москву прибывает посол Шамхальства Секит-Имилдеша. Посольство шамхала имело мирную направленность и сопровождалось многочисленным количеством различных подарков, до того времени невиданных в Москве. В их числе также оказался и настоящий живой слон [2, с. 578]. Однако дальнейшее развитие дружественных отношений не получилось. Строительство новой русской крепости на Сунжи обострило ситуацию, шамхал был крайне против ее возведения. Пытаясь этому помешать, Будай и его брат Сурхай были убиты в бою.

В 1569 году новым правителем Тарки становится Чопан, чья политика будет еще более протурецкой, чем у его предшественника.

Северокавказский поход сказался и на положении самого Ивана Черемисинова. После возвращения его ждала новая служба. В 1561 или 1562 году он являлся первым воеводой в городке Белом на русско-литовской границе. Получить такое положение было чрезвычайной редкостью или же везением. Даже боярину при отличной военной службе, участие в дипломатии и вообще большом опыте в боях, практически нереально было так высоко продвигаться в военной иерархической системе, как это удалось Черемисинову. При том, что Черемисинов был одним из «детей боярских», даже не боярином. В связи с этим существуют достаточно большие сомнения, что этот пост у него вообще был. [5, с.140-141].

Надо полагать, что замысел данного похода для Ивана IV не был случайным. О его важности говорит многое: во-первых, ответственный выбор командующего, которым стал Иван Черемисинов. И в самом деле, кому, как не Ивану отправляться туда? Он не только знал татарский язык, но за два года пребывания в должности астраханского воеводы основательно погрузился в хитросплетения местной политики, сумел установить нужные связи, создать разведывательную сеть и занять осведомителей.

Во-вторых, эта экспедиция явно была частью большого плана Ивана Грозного и его советников по обузданию крымской опасности – вряд ли было случайным совпадение отправки в 1560 г. русских ратных людей на Дон, где годом ранее был поставлен воеводой И.М. Вешняковым городок, в «Черкасы» «на государство» князя Д. Вишневецкого, а против шамхала тарковского, врага союзников Ивана Грозного кабардинских князей, Черемисинова с ратными же людьми.

В-третьих, тарковский шамхал не только укрывал у себя ногаев из клана Юсуфовичей – враждебных промосковской фракции Исмаил-бия, который жаловался Ивану IV по этому поводу, но и процветал на традиционной для горских племен работоторговле.

Таким образом, поводов для того, чтобы воспользоваться по отношению к шамхалу «дипломатией канонерок» хватало. И поход Черемисинова должен был продемонстрировать ему, что не стоит конфликтовать ни с Темрюком, ни с Исмаил-бием, а также сильно подумать, прежде чем предпринимать какие-либо шаги по сближению с Крымом, ибо теперь, когда Астрахань и устье Волги под властью русского государя, рука Москвы может дотянуться и до его владений и столицы.

Стоит отметить также грамотный подход Черемисинова к стратегии похода: это короткий, но мощный удар, сокрушивший вражеские войска и уничтоживший город. После этого – организованный отход. В будущем провалы походов на Тарки будут заключаться в

том, что победоносные русские войска, захватив город, будут оставаться там, поджидая противника, и столкнутся с противником более опасным, чем горцы – голодом. Обессилевшим русским войскам придется прорываться через горцев с большими потерями. Так закончатся неудачей походы А. Хворостинина в 1594 г. и И. Бутурлина в 1604 г. Иван Черемисинов благодаря грамотному планированию удачно избежал подобного риска.

Поход Ивана Черемисинова на Тарки в 1560 г. стал первым боевым столкновением русских войск и горцев Северного Кавказа, а его командующий таким образом является первым русским офицером, взявшим Тарки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдусаламов М.-П.Б. Шамхальство Тарковское в русско-иранских и русско-турецких отношениях во второй половине XVI в. // Вестник МГОУ. – 2015. – № 5. – С. 97–106.
2. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Выпуск 1-й. 1578-1613 гг. – М.: Университетская типография, 1889. – 715 с.
3. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 372 с.
4. Полное собрание русских летописей. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Наука, 1965. – Т.29. – 390 с.
5. Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. – М.: Центрполиграф, 2017. – 319 с.
6. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Под. ред. А. А. Зимина. – М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1950. – 449 с.

ГРИГОРЬКИН В. А., НЕСТЕРОВ И. О.
ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
НА СТИЛЬ ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ В 20-Е ГГ. XX В.

Аннотация. В данной статье рассматривается история влияния Советской власти и сопутствующих факторов на господствовавшую в 1920-х гг. моду. Отмечается упрощение одежды постреволюционного периода, а также основные образцы модной советской одежды данного периода. Кроме того, следует указать на участие моды в советском обществе в агитационном процессе строения нового общества.

Ключевые слова: мода, Советская власть, унисекс, ателье, обувь.

GRIGORKIN V. A., NESTEROV I. O.
INFLUENCE OF THE SOVIET AUTHORITY
ON THE CLOTHING STYLE IN THE 1920S

Abstract. This article considers the history of the influence of Soviet authority on the fashion trends in the 1920s. The simplification of clothes of the post-revolutionary period is pointed out. The main trends of fashionable Soviet clothing of this period are described. The role of fashion in the Soviet propaganda and building a new society is studied.

Keywords: fashion, Soviet power, unisex, atelier, shoes.

Великая Октябрьская Социалистическая революция, стала важным событием в истории новой страны. Одним из своеобразных символов того значения, которое она сыграла в истории России, стала, как не странно, ее явное влияние на моду. События того времени четко отпечатались, как во внешности людей, так и в том, что эти люди стали носить. Наступившая новая эпоха перемен во многом изменила не только костюм, но и отношение к моде.

В начале 1920-х годов население в своей массе в основном donaшивало старую одежду. На моду сильно повлияла Первая Мировая и Гражданская война, носились в основном военные вещи из старых запасов, по типу тренча (с англ. – траншея). Поскольку тренч становится примером для другой военной одежды, так как он очень удобен в ношении, пригоден для долгого пребывания в окопах, а также из-за того, что с него быстро стекает вода (из-за подкладки сзади спины). Запасы военной формы были накоплены еще в царское время для нужды войны, когда было сшито или закуплено за границей большое количество комплектов военных форм. Также охотно носили кожаные куртки – «кожанки», гимнастерки, косоворотки, френчи, кепки, что в дальнейшем стало одним из главных атрибутов мужской одежды уже последующих годов [4, с. 203].

Октябрьская революция изменила социальный состав общества, ликвидировав как класс дворян и буржуазии. Вместе с ними практически исчезла роскошь. Появление другого общества создавало другое мировоззрение людей, а оно в свою очередь – новое взаимоотношение между ними. Одной из идей большевиков было равноправие, которое они и провозгласили, придя к власти. Для реализации этих идей и стали шиться новые виды одежды.

После множества кровавых событий: Первой мировой и Гражданской войн мужское население в стране значительно сократилось, потому женщины стали осваивать как традиционно мужские профессии, связанные с тяжелым физическим трудом (на заводах и фабриках), так и профессии, ранее им недоступные, из-за сословных или социальных норм и предрассудков. Для удобной работы женщин на заводах требовались новые виды одежды. Новое мировоззрение и жесткая необходимость подтолкнули большевистское правительство на создание новой модели «унисекс», когда многие предметы одежды брюки, обувь, рубашки и головные уборы – заимствовались из мужского гардероба [6, с. 31].

Одним из главных олицетворений власти коммунистов на начало их власти являлась «комиссарская» кожанка, которую мужчины носили с фуражкой, а женщины повязывали на голову красную косынку. В связи с нехваткой всего, кожанка, которую найденная на царских складах в большом количестве, на первое время стала почти официальной униформой многих революционных чинов, таких как комиссары или чекисты [3, с. 58].

В новой стране не было места для роскошных нарядов, которые пользовались популярностью у представителей элиты царской России. Продолжая идею использования царских резервов, в моду входят сшитые еще во время Первой Мировой войны для авиаторов и танкистов кожаные куртки, которые носили с кожаными фуражками не только мужчины, но и женщины; в большом количестве носились гимнастерки, подпоясанные ремнем. Однако различался низ – мужчины надевали с брюками, женщины же носили их с прямыми юбками из сукна. Ношение кожаных круток, было еще самым настоящим увлечением того времени, поскольку данная одежда была сильно схожа с куртками, что носили шоферы. Возможность получения или вожделения личного автомобиля, делала шоферов одними из самых популярных людей, на которых хотели равняться и носить тоже что они [2, с. 125].

Модными были блузки из ситца, платья из холста, и матерчатые куртки. Для любой одежды на голову девушки повязывали красную косынку – что являлось символом революции. Также, в ношении косынки чувствовался оммаж (преклонение) перед Великой Французской революцией, примером которой является картина «Свобода ведущая народ»

Делакруа, где девушка, олицетворяющая свободу, носит красный фригийский колпак [5, с. 18].

Советская мода 1920-х годов создавалась в условиях острой нехватки всех видов тканей, поэтому важнейшей задачей было создание единообразия для облегчения выпуска продукции. Это однообразие сильно повлияло и на женский фасон юбок. В начале 1920-х годов какие-либо строчки или отделки запрещались повсеместно, воспринимаясь как поддержание старых устоев, приветствовалась спартанская простота, вытекавшая из банального дефицита.

Однако даже во время нехватки ткани модельеры создавали новое. Тематикой того времени был конструктивизм, поэтому в моделях появляется геометрический крой и такие же рисунки на ткани. Впрочем, распространения данная одежда не получила, и простые граждане, и обеспеченные придерживались дореволюционной моды. Стоит также заметить, что, если эксперименты с иными тканями, рисунками и проводились, то для партийной элиты мастера если и шили, то по «старинке» [3, с. 59].

В начале 1920-х годов заметно было влияние мировой моды на российскую. К примеру, повсеместно дамы стали отказываться от корсета в пользу бюстгалтеров. Стоит отметить, что это случилось после Дягилевских сезонов, и нововведений Поля Пуаре – модельера из Парижа. Где-то в 1921 году, когда был введен НЭП, частный бизнес снова стал легален, и люди заинтересовали модой, поэтому в страну проникают: иностранные журналы и одежда. Обеспеченные женщины стали носить модные муфты, шляпы-котелки, меховые воротники, муфты и другие новшества, блестяще отраженные Ильфом и Петровым в «12 стульях». В бедной тканями России актрисы стали новыми «звездами», которые блистали роскошными и яркими нарядами, недоступными большинству простых рабочих.

Не только дамы следовали новинкам моды, мужчины также перешли на фетровые шляпы, фраки и костюмы из коверкота. Впрочем, это относилось только к более-менее обеспеченным людям [7, с. 77].

Полное отсутствие декоративного украшения характерно для костюмов того периода. Нет ни галстуков, ни кружев, колец или брошек. Все предметы одежды, такие как сумки, шляпы или даже яркие цвета воспринимались как элементы прошлого.

«Костюм сегодняшнего дня – прозодежда... Эстетические элементы изгоняются». Костюм – есть механизм, а человек в нем – главный винтик. Все рисунки разрастались во все стороны, создавая четкую сетку или строгую систему. Удобство – главное требование ко всей одежде. Вместо частных ателье стали появляться швейные фабрики, а кружева и меха заменялись на одежду из солдатского сукна и грубой шерсти [1, с. 214].

Новые веяния проявляются не только в моде. Не только в советской России, но и на Западе с 1920-х годов входит в моду «мальчишеский силуэт», со скрытыми женскими формами. Именно поэтому пышногрудые дамы, пытаясь подражать моде, бинтуют свою грудь [5, с. 21].

Поддерживая идеологию правительства, каждую субботу в свет выходит «Страничка женщины-работницы» под редакцией газеты «Советская правда». Для привлечения женщин в управление страной вводятся Женотделы. На примере Обуховой Юлии Николаевны, работавшей в женотделе в Челябинске, можно увидеть тогдашние тенденции для привлечения женщин и поддержания наравне с мужчинами их прав. Обухова была примером моды на унисекс того времени: короткостриженная с крупными чертами лица, носящая при этом мужские вещи.

В целях воспитания молодежи на основе «юнгштурмовок» создается единообразная форма для комсомольцев. «Юнгштурмовка» представляла собой измененную гимнастерку или куртку с множеством различных оттенков серого или зеленого. Отложенный воротник, накладные карманы, подпоясавшееся ремнем или портупеей «юнгштурмовка» – все в одежде кричало о военизации. Впрочем, девушки носили их с юбками темных оттенков [6, с. 33].

Воздержанность костюмов в советской России для данного периода была обусловлена не столько идеологией государства, сколько ужасным экономическим положением. Так большинство вещей шилось из дешевых и доступных тканей: грубой шерсти и полотна, бязи и солдатского сукна. Обувь, для обоих полов, составляли сапоги или ботинки.

На начало 1920-х годов многие еще пытались привнести что-то новое и не идеологическое в одежду людей. Последними из таких модельеров были Вера Муницына и Александр Перелицын, которые возглавляли совет художников в объединении «Союзхлопкосбыт». Индивидуальный заказ в те времена могло себе такое позволить лишь малое количество людей. Таким образом, в 1923 году соотношение мужских мастерских к дамским ателье было огромным, 204 против 32 [4, с. 187].

Хотя, параллельно с этим, появляются первые уже советские журналы мод. Первое советское «Ателье мод» издавало свой журнал – «Ателье». Однако, из-за критики журналистов из другого журнала – «Швейник» второй номер «Ателье» не вышел. Спустя пару лет, и «Ателье мод» изменился, тогда оно перешло от моды к обслуживанию знаменитостей и жен чиновников [7, с. 88-89].

Впрочем, уже позднее в 1928 году стал выпускать другой журнал – «Искусство одеваться». Он ставил перед собой уже другие темы, например, показательна статья первого номера – «Своевременно ли подумать рабочему об искусстве одеваться?». Где, для читателей особенно подчеркивалась важность того, что создание своих мод есть лучший выход, нежели

поддержание парижской моды. Параллельно ему в выходящем журнале – «Домашняя портниха», печатались непосредственно выкройки и модели одежды с пояснениями для мастериц, что было очень актуальным во время нехватки тканей [1, с. 210].

Надежда Ламанова одна из самых популярнейших модельеров, не только советского, но и царского периода. Так, создавая наряды для царской семьи, она получила звание «Поставщик Двора Ея Императорского Величества». Впрочем, после революции Ламанова остается в России пытается выжить в ином мире, нежели прежде. Одним из главных новшеств для Ламановой было нехватка тканей и запрос на иную, нецарскую одежду. Такие неудачные условия Ламанова смогла преодолеть и обратить внимание оставшейся интеллигенции на грубую ткань. Для Надежды Ламановой новым курсом стало изучение холщовой ткани, полотенец или штор из льна. Стоит отметить, что именно Ламанова была руководителем в советском «Ателье мод», а также подготавливала журнал «Ателье». В советской России одной из любительниц нарядов Ламановой стала Лиля Брик – известная модница того времени [8, с. 215].

В 1917-1922 годах дизайн и мода формируется на стыке запроса от покупателя и агитационного аппарата. Для этого появляются новые наряды, демонстрирующиеся и на сценах. Все и даже искусство – орудие пропаганды.

Изменения, протекавшие в ходе существенных сдвижек в основе государства такие как, придание физическим занятиям статуса пропагандистско-идеологической работы, предопределяет массовое участие девушек в различных видах деятельности. Впрочем, не только в советской России было так, во многих европейских странах женщинам тоже дают возможность участия в спорте или получение прав на вождение автомобиля.

Для массовой пропаганды на местах еще в 1920-х годы на основе «живой газеты» возникает «Синяя блуза» – театральные представления, которые доходчиво объясняют новые положение и изменения, принятые коммунистами. Наряду со сценическими представлениями среди молодежи растет популярность физкультуры. Женщины после Первой Мировой войны стали восприниматься, не только как мать, но и как дополнительный боевой ресурс. Поэтому женская модель поведения становится милитаризованной. Все слои населения, даже учителя или медработники должны были пройти курсы военной подготовки, а также заниматься физкультурой. Впрочем, взрыв популярности физической культуры приходится на дальнейшие десятилетия [5, с. 9].

Также в России женщины получают права на управления транспортными средствами: автомобилями, тракторами, и даже самолетами. Важной точкой в правах женщин в небе является получения возможности летать. Ярким примером является – Зинаида Петровна Кокорина.

Таким образом, Великая октябрьская социалистическая революция сказалась и на отечественной моде. Стоит отметить, что новая революционная мода строилась отнюдь не на идеях инициативных модельеров, стремившихся следовать революционным тенденциям, сколько на банальном дефиците тканей и больших запасах, оставшихся с военных времен. Отсюда – господство стиля «милитари» и общая спартанская простота покроя.

В дальнейшем, мода Советского Союза практически полностью перейдет на следование западным тенденциям (длинное пальто, фетровые шляпы), с сохранением определенного этнического разнообразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Душенко К. В. Идеология в лицах: формирование визуального канона в советских женских журналах 1920-1930-х годов // Культурология. – 2014. – № 2. – С. 210–214.
2. Каминская Н. М. История костюма. – М.: Легкая индустрия, 1977. – 130 с.
3. Князева М. Б. Заимствование элементов военной формы гражданской модой после Первой Мировой войны // Культурное наследие России. – 2014. – № 2. – С. 57–60.
4. Мода: за и против: сб. ст. / Под ред. В. И. Толстых. – М., 1973. – 287 с.
5. Пушкарёва Н. Л. Гендерная система Советской России и судьба россиянок // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 8–23.
6. Раева Д. М. Социокультурный анализ советской моды 20-30-х гг. XX века: автореф. ... дисс. канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 39 с.
7. Стриженова Т. К. Из истории советского костюма. – М.: Советский художник, 1972. – 112 с.